
С ПРАЗДНИКОМ
ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ!
ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 46 (1951)

8 ноября 1964

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Знамена

...Я люблю вас, знамена, молча,
Я слежу, затаив дыханье,
Как цветете над Красной площадью
В жарком праздничном полыханье.
Серп и молот золотом сотканы
На моем трудовом пути.
О знамена мои высокие,
Разрешите мне вас нести!

Филипп СУХОРУКОВ,
автослесарь.

Новошахтинск.

* * *

Глаза не выстудит зима,
зной не сожжет рассветной сини,
пока гудят в груди России
твои,
Семнадцатый,
грома.
Мощны их добрые басы!..
Еще на Лиговках и Троснях
живут прекрасные, как в песнях,
твои,
Семнадцатый,
бойцы.
Несущий искру Прометей,
тебе шагать в иные страны...
О, как грохочут барабаны
твоих,
Семнадцатый,
детей!
Когда в ночи седой — ни зги,
к полям прижавшемуся небу
слышны будящие планету
твои,
Семнадцатый,
шаги.

Алексей ЗАУРИХ

ЖИВОЙ ГОЛОС ГРОЗНЫХ И ВЕЛИКИХ ДНЕЙ ЗВУЧИТ С ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ КАДРОВ

Перед нами на фото 1 демонстрация в честь первой годовщины Октябрьской социалистической революции. Этот уникальный снимок сделал Иван Семенович Кобозев.

Объективы его аппаратов запечатлели много интересных исторических кадров.

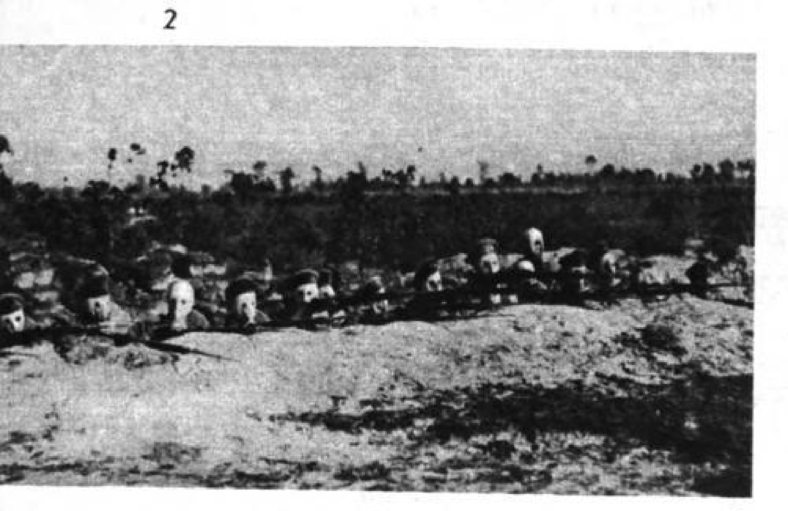
Во время первой мировой войны призванный в армию И. Кобозев носил необычное оружие. В 1915—1916 годах он был фронтовым фотографом и кинооператором при штабе 1-го армейского корпуса.

1

ОКНО В

2

В сентябре 1916 года молодой военный фотограф заснял преступление германского империализма. На участке Западного фронта у Мозыря были пущены газы. Взвод противохимзащитного батальона под командованием штабс-капитана Широкова вооружился противогазами (2). Еще минута, другая — и взвод пошел в атаку.

И. Кобозева с фронта направляют в Москву в распоряжение киноотдела. Здесь он принимает участие в Февральской революции, организует 1-й профсоюз рабочих кино в Москве. В апреле 1917 года И. Кобозев вступает в ряды партии большевиков. В последующие дни его фотоаппарат запечатлел первые свободные майские торжества в Москве. Вот группа демонстрантов у бывшего Александровского, ныне Белорусского вокзала (3). На следующем снимке (4) — митингуют на Ходынском поле солдаты 56-го пехотного полка вместе с рабочими Бутырского района. Солдаты этого полка впоследствии под руководством большевиков начали пролетарскую революцию в Москве, захватив телеграф, почтамт и Кремль.

Еще фотография (5) — демонстрация у здания Моссовета, украшенного большевистскими лозунгами. На балконе слева стоит Ф. Э. Дзержинский.

4

5

3

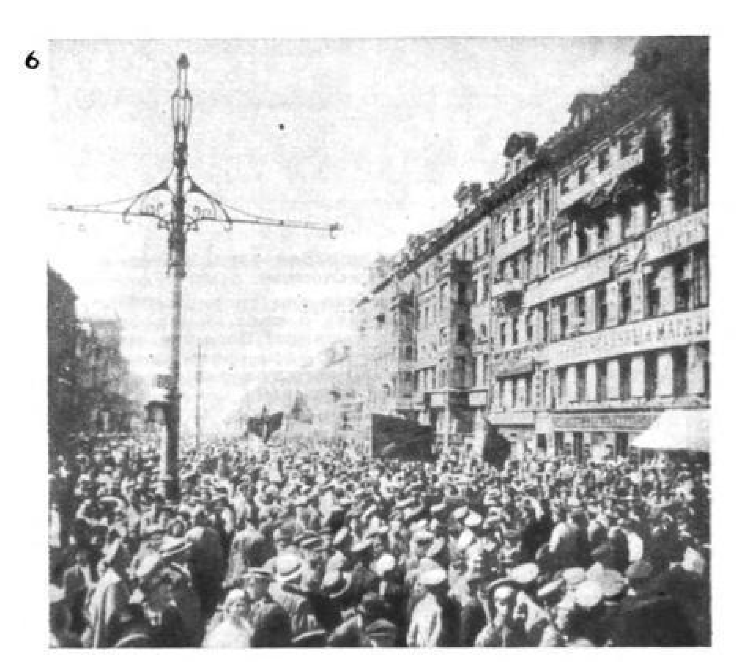
8

9

ИСТОРИЮ

6

7

Вскоре И. Кобозева посылают в Петроград, где он стал свидетелем важнейших событий. 18 июня в Петрограде состоялась массовая политическая демонстрация рабочих и солдат. Под большевистскими лозунгами «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов!» демонстранты шли к центру — на Невский проспект (6) и к Марсову полю.

Весть о неудачном наступлении русских войск на фронте по приказу Временного правительства вызвала бурю негодования — разразился июльский политический кризис. Чтобы уберечь массы от преждевременных действий, большевики решили возглавить демонстрацию и придать ей мирный характер. 4 июля десятки тысяч рабочих под охраной Красной гвардии, солдат и кронштадтских моряков влились в поток демонстрации.

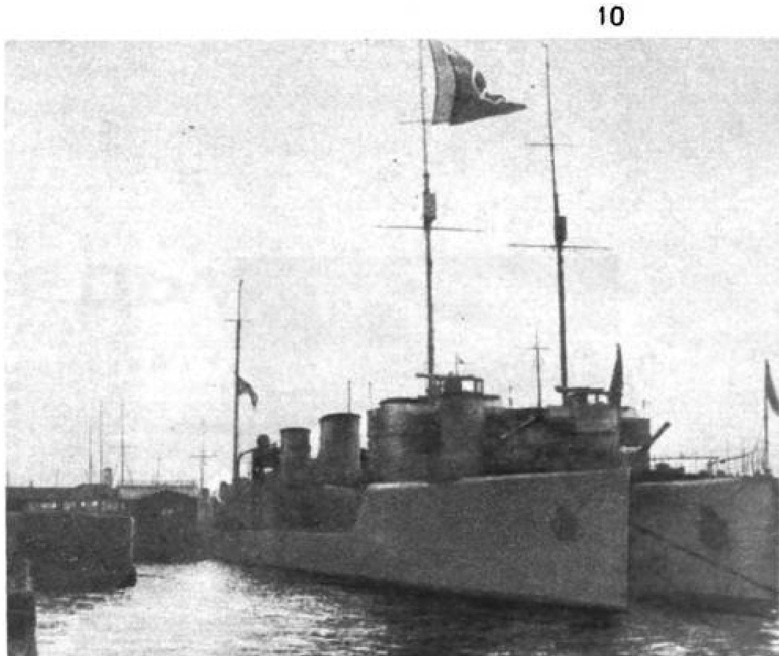
Снимки тех дней, выполненные Кобозевым, доносят до нас некоторые эпизоды июльского политического кризиса.

Перед нами демонстрация на Невском проспекте (7). На следующем кадре (8) «митинговые кучки» на углу Невского и Б. Садовой за несколько часов до расстрела. Стреляли по демонстрантам и из редакции реакционной газеты «Новое время». Временное правительство, чтобы усмирить народ, вызвало срочно в Петроград казачьи полки (9).

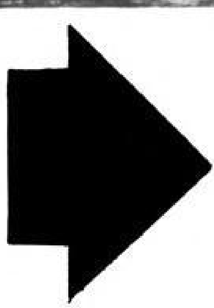
В коллекции Кобозева есть снимки, отображающие моменты Октябрьского восстания в Петрограде.

В ночь с 24 на 25 октября крейсер «Аврора» стал на Неве у

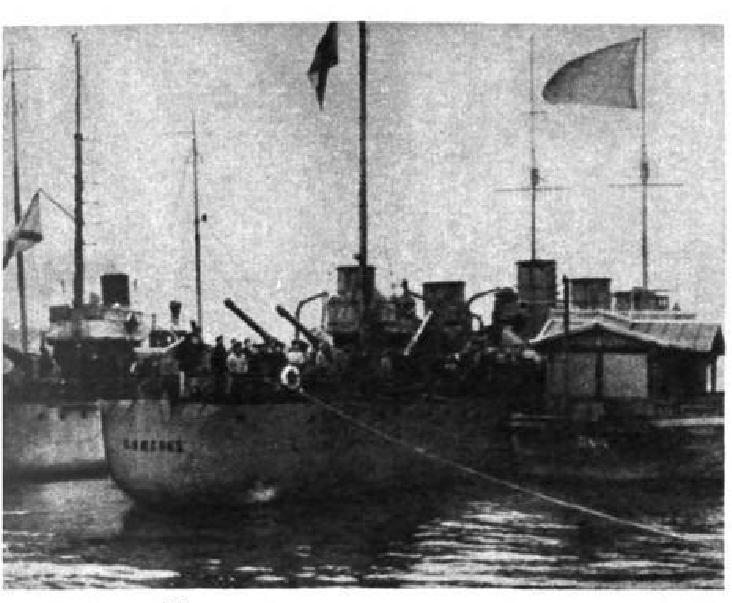
10

бывшего Николаевского моста. Утром 25 октября 7 отрядов моряков из Кронштадта двинулись к Питеру на революционных кораблях «Заря свободы», «Зарница», «Хопер». Возглавил эту флотилию «Амур» (10) под флагом «Вся власть Советам!», на борту которого находился революционный штаб сводного кронштадтского отряда.

ОКНО В ИСТОРИЮ

11

Из Гельсингфорса отплыли в Петроград и вошли в Неву миноносцы «Самсон» (11), «Деятельный», «Меткий», «Забияка», «Мощный» и сторожевое судно «Ястреб».

К 11 часам 25 октября автоброневидивизион, включая большой броневик «Илья Муромец», прибыл в Смольный (12). ...В 2 часа 10 минут 26 октября Зимний дворец был взят. Кобозев делает уникальный снимок: Зимний утром 26-го, в день его взятия (13).

13

12

14

Есть в коллекции И. Кобозева интересные кадры, посвященные гражданской войне.

Москва, 1918 год. Крутицкие казармы — место сбора добровольцев в Красную Армию (14).

С августа по октябрь 1918 года И. Кобозев был комиссаром на Восточном фронте. В серии фотографий, относящихся к этому периоду,— командир кавалерийского эскадрона 1-й армии Аносов (в центре). Его бойцы в боях за Казань захватили у противника 10 орудий и 300 снарядов (15).

15

Фрэнк ХАРДИ

Моим советским друзьям

Два больших события находились недавно в центре внимания Сиднея: Австралийский конгресс за международное сотрудничество и разоружение и пребывание в сиднейском порту советского корабля «Приднепровск». В течение всей недели сотни делегатов, собравшихся со всех концов Австралии, обсуждали пути, ведущие к миру и международному сотрудничеству. Сегодня вечером я встретился с советскими моряками — капитаном корабля Леонидом Сутыриным и членами его команды. Они прибыли на корабле по-настоящему современном: каждый член команды на нем имеет отдельную каюту. На корабле существуют великолепные возможности для отдыха и занятий, а корабельная библиотека насчитывает две с половиной тысячи книг для команды из 57 человек.

Сиднейские докеры сказали мне, что самой замечательной чертой этого корабля являются великолепные возможности для погрузки. «Загрузить такой корабль так же легко, как расстелить ковер»,— заявил мне сегодня один из них.

Короткая встреча с капитаном и командой «Приднепровска» напомнила мне посещение другого советского корабля, «Металлург Бардин», несколько месяцев назад. Мне бы хотелось рассказать о духе нашей встречи с капитаном Курзиным и его командой на борту «Металлурга Бардина» в сиднейском порту. Я вспоминаю об этой встрече с большой теплотой и хотел бы надеяться, что кто-нибудь из советских моряков с этого корабля увидит этот номер «Огонька» и тоже вспомнит о ней.

Помните, товарищи, как мы сидели в кают-компании и разговаривали о море, о кораблях, обо всем, что волнует моряков? Помните, как я рассказывал вам историю моей пьесы о моряках и после этого мы долго говорили о писателе и его долге перед народом?

Верьте мне, такой разговор можно было вести только с советскими моряками. Мы смеялись и шутили так, как умеют смеяться и шутить моряки, и я хорошо помню эти шутки. Потом мы ходили по кораблю и когда зашли в машинное отделение, я очень хотел показать вам свое морское искусство, показать, как я умею чистить топки. И мне кажется, вы поняли тогда, что я не просто писатель, а человек, который принадлежит морю и кораблям, состоящий с вами в одном братстве людей, бороздящих моря.

Капитан Курзин, помните, как мы делили трапезу в вашей каюте, помните тот теплый и интимный разговор, который был похож на разговор людей, знающих друг друга всю жизнь? Я пишу эту статью, а рядом лежит фотография, которая была сделана на борту вашего парохода. С нее мне улыбаются лица такие знакомые, улыбаются так, как улыбаются самые близкие друзья. Фотограф, помнится, был не очень расторопен, и мы подшучивали над ним, но он сделал свое дело хорошо, и эта фотография всегда стоит у меня на столе.

Много месяцев прошло с той встречи, но я

16

Бесстрашный пулеметчик Антон Близняк, раненный 13 раз (об этом говорят нашивки на левом рукаве его шинели) (16). Позже он геройски погиб.

В начале октября была взята Самара. И. Кобозев заснял передвижение штаба Восточного фронта после освобождения Самары (17).

Вот еще уникальный снимок. Праздник 1 Мая 1918 года на Красной площади (18).

А это сам автор исторических кадров в 1917 году. (19)
Свою коллекцию фотодокументов, публикуемую впервые, И. Кобозев передал в дар Государственному историческому музею.

З. ЯСМАН,
научный сотрудник Государственного исторического музея.

18

17

19

крепко помню этот корабль и тех, кого он несет по волнам.

А теперь в наш порт пришел «Приднепровск» и снова привез сюда кусочек Советского Союза. И мне кажется символичным то, что этот большой новый корабль и прибывшие на нем советские друзья оказались здесь как раз в то время, когда огромный конгресс за мир привлекает сердца и умы народа Австралии. Пусть ваш корабль донесет сквозь моря наше послание мира и доброй воли.

Время нельзя остановить, оно идет и идет, принося встречи с друзьями и расставания с ними. Но оно всегда оставляет память об этих встречах, и мне кажется символичным еще и то, что я пишу и вспоминаю об этих встречах сегодня, накануне 47-й годовщины Октябрьской революции.

Нам предстоит еще много работы впереди, и мы сделаем ее. Мы будем всегда хранить воспоминания о людях, которых мы встречали, и местах, которые мы посетили, и настанет такое время, когда все люди и все места будут составлять один мир, единое братство.

Моим друзьям — советским морякам, всему советскому народу — через «Огонек» я хочу сказать слова привета и поздравления от всего сердца.

Сидней.

СОРОК СЕДЬМОМУ

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Ровесники твои уже немолоды.
Под пятьдесят — особая пора,
Когда деревья полыхают золотом
И в волосах немало серебра.

А ты, как прежде, одногодок юношам.
Не чувствуя нагрузки возрастной,
С осенних рощ туман студеный сдунувши,
Ты светишься апрельской новизной.

Ты, продолжая начатую линию,
Надежный сверстник завтрашних светил,
Растущих математиков и лириков
Во все свои дерзанья посвятил.

В шинели ты. В рабочей телогреечке.
Тебе и шлем космический к лицу.
Стремительный, влюбленный, нестареющий,
Живешь ты, как положено бойцу.

Любя планеты круглую громадину
В березах, в пальмах, в инее, в росе,
Ты заслонил от смерти термоядерной
Все колыбели, памятники все.

Тебе знакомы тяготы и горести,
Былых утрат немало на счету,
Но ты все неустанней, все напористей,
Все круче набираешь высоту.

Упрямый, в шрамах, в памятных отметинах,
С годами лишь моложе становясь,
Пророк, прораб двадцатого столетия,
Ты с будущим налаживаешь связь.

Мы все — и однолетки революции,
Прошедшие сквозь годы и бои,
И нынешние мальчики безусые,—
Мы в равной мере сверстники твои!

ФОТОГЛОБУС

ОГОНЁК

Такие бумажные салфетки подали советским туристам в придорожном ресторане Мангейм-Зененхайм по пути из Бонна в Мюнхен. На салфетках необычный рисунок — карта автомобильных дорог Германии с обозначением бензозаправочных станций, придорожных ресторанов и гостиниц. Но что это? Почему дороги Германии на этой географической салфетке уходят так далеко на восток? Они пересекают едва обозначенные границы ГДР и заходят на территории Польши, Чехословакии, Советского Союза! Вместо современных географических названий мелькают прежние немецкие названия городов: Данциг, Кенигсберг, Штеттин, Бреслау...

Перед нами типичная карта реванша. Может быть, подобная идея пришла в голову хозяину ресторана под влиянием воинственных выступлений боннских политиков, которые торопятся получить в свои руки атомное оружие?

3 ноября в Соединенных Штатах Америки состоялись выборы президента. Большинством голосов был избран кандидат демократической партии Линдон Джонсон. Кандидат республиканской партии Барри Голдуотер потерпел поражение. Американский народ проголосовал против курса на войну и разжигания ненависти между народами.

Одновременно в США проходили выборы вице-президента, губернаторов многих штатов, одной трети сената и 435 членов палаты представителей.

Семь стеснительных господ очень не хотят, чтобы их лица попали в печать. Это бывшие эсэсовцы, обвиняемые в убийстве многих тысяч узников концлагеря Треблинка. Лица они закрывают потому, что надеются по примеру прошлых судебных процессов в ФРГ получить оправдание и продолжить свою коммерческую, политическую или иную карьеру.

Фотоснимок, который опубликовал итальянский журнал «Эуропео», показывает бельгийского майора Роберта Денара за «работой» — он обучает йеменских роялистов обращению с оружием. Кадровый офицер бельгийской армии кочует у границ республиканского Йемена, руководя бандами бывшего имама Эль Бадра. Роль же политического советника имама, по свидетельству журнала, играет некий американец, имя которого автор репортажа предпочитает, однако, не называть.

Журнал «Эуропео» опубликовал эти снимки под заголовком «Главные действующие лица маленькой войны в Йемене». Вольно или невольно журнал схватил самую суть: действительно, иностранные политические и военные «советники» являются главными действующими лицами в организации кровопролитных провокаций против молодой арабской республики.

Эта «Статуя Свободы» имеет к Соединенным Штатам весьма своеобразное отношение. Она всего лишь копия нью-йоркской статуи и установлена в южновьетнамском городе Кэн Дуок. Само собой разумеется, что к свободе эта скульптурная копия совсем не имеет никакого отношения. Реакционный режим в Южном Вьетнаме держится на американских штыках. Без помощи Пентагона сайгонские марионетки и одного дня не устояли бы под ураганом народного гнева.

Между прочим, фотоснимок южновьетнамской «Статуи Свободы» сделан в тот момент, когда над ней пролетал американский военный самолет. Более разоблачительное сочетание трудно вообразить!

Стоит взглянуть на опубликованный снимок причала на озере Гурон, оставшегося на сухом берегу вдали от воды, чтобы понять беспокойство, охватившее этим летом канадцев.

Уровень воды Великих Озер и величайшей вытекающей из них водной артерии Канады — реки св. Лаврентия — непрерывно падает, а в этом году достиг самой низкой отметки. Уровень Гурона опустился на 122 см против нормального.

Это может нанести Канаде значительный ущерб, резко ухудшая возможности и условия работы судостроительных и судоремонтных предприятий на берегах озер и судоходство как на самих озерах, так и на реке св. Лаврентия и на параллельном ей канале, позволяющем морским судам из Атлантики проходить на Великие Озера. В прошлом году только спад выработки электроэнергии принес Канаде убыток в 21 миллион долларов.

Прибрежные жители недовольно косятся в сторону Чикаго, пятимиллионного города-спрута, ненасытно высасывающего воду из озера Мичиган. Канадская печать требует выяснения вопроса, соответствует ли количество воды, изымаемой городом Чикаго из Великих Озер, количеству, определенному международным соглашением.

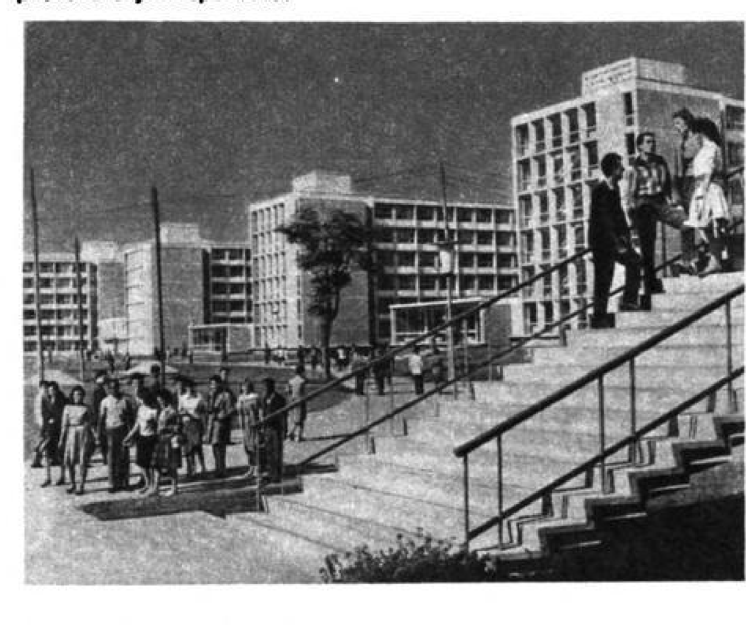
Эта плачущая женщина — мать молодого солдата, убитого в Конго. Ее сын Бернд Кёлерт стал наемником Чомбе, прельстившись обещанным «заработком». Незадолго до этого он проходил службу и получал воспитание в боннском бундесвере.

Бухарестский университет недавно отметил свой столетний юбилей. На 12 факультетах университета занимается теперь более 13 тысяч студентов. Его библиотека насчитывает 1 200 тысяч томов, 90 лабораторий оснащены современным оборудованием. Бухарестский университет поддерживает связи с 300 зарубежными институтами.

На снимке: новый комплекс студенческого городка Бухарестского университета.

Искусство в ГДР становится достоянием все более широких народных масс. На крупнейшем химическом заводе ГДР «Лейна» рабочие не только учатся в вечерних университетах, но также активно занимаются спортом и искусством. На снимке: балетная группа завода на занятиях в Доме культуры.

Чехословакия давно уже славится своими красивыми и выносливыми автомашинами. Такие машины типа «Шкода-445» выпускают в городе Млада-Болеслав. На них в летнее время чехословацкие туристы совершают интересные путешествия по стране.

Фото Е. Пардубски

Фото ТАСС—ЮПИ.

НОВОЕ В СЛУЖБЕ ПОГОДЫ

Москва — Вашингтон — мировые метеоцентры

Фотооператор Валентина Веревкина заправляет в аппарат синоптическую карту погоды по Советскому Союзу — прогноз на ближайшие трое суток — и нажимает кнопку. Изображение карты отправляется в далекий путь по фототелеграфу через Варшаву — Берлин — Франкфурт — Лондон в Вашингтон. А когда передача кончается, берет телефонную трубку переводчица Светлана Пономарева.

— Алло! Вашингтон, Вашингтон! Как приняли наши карты? Каково их качество?

И, стоя рядом с ней, слышишь, как голос из-за атлантической дали отвечает, что приняли хорошо, что качество карт отличное и все о'кэй.

— О'кэй! — отвечает Светлана.

А из Вашингтона по тому же каналу и в то же время идет ответная метеоинформация о предстоящей погоде в Соединенных Штатах Америки. Так осуществляется регулярный, круглосуточный обмен метеоинформацией между Москвой и Вашингтоном. Советский Союз передает собранные им метеорологические сведения для районов Европы, СССР, Южной Азии и южной части Тихого океана. США дают метеосводки по районам Северной и Центральной Америки, северных частей Атлантического и Тихого океанов.

— До сих пор,— рассказывает заместитель начальника Главного управления Гидрометеослужбы при Совете Министров СССР Георгий Иванович Голышев,— метеорологические наблюдения производились локально в каждом государстве и по сложной схеме поступали в международный центр. Всемирная метеорологическая организация при ООН распределяла метеонаблюдения по нескольким раздробленным центрам в северном и южном полушариях планеты. А затем распространение информации шло через эфир или по проводным каналам связи.

Теперь появилась возможность передавать метеосведения в виде обработанных карт погоды. Это позволяет сконцентрировать сбор информации в меньшем количестве метеоцентров. Главными из них избраны Москва и Вашингтон. Будет и третий центр, в южном полушарии.

Кроме того, новый метод обмена метеоинформацией значительно облегчает работу синоптиков, гарантирует надежность приема и передач и к тому же увеличивает поток сведений о погоде.

Короче говоря, регулярный обмен метеоинформацией — важный вклад в практику службы погоды. Он обеспечивает систематический сбор в общем центре обширной информации о состоянии атмосферы и условиях погоды в северном полушарии, а в будущем — на всем земном шаре.

За это будут благодарны в первую очередь моряки и летчики. В наши дни воздушные и морские дороги через Атлантику чрезвычайно оживлены. Регулярный обмен метеоинформацией имеет большое значение и в других областях народного хозяйства.

А. ГОЛИКОВ

Веселое дерево

Николай БЫКОВ

Фото М. САВИНА.

В костромской деревне Антипино, что стоит на большой дороге, есть своя «Третьяковка». («Третьяков-то Павел Михайлович, так он ведь наш, Кострома ему не чужая. Не скопидом какой...») В фойе клуба колхоза имени Ильича выставлены пейзажи, портреты, этюды — подарки местных и заезжих художников. Перед киносеансами люди рассматривают полотна. Рассматривают каждый раз внимательно и обязательно высказывая личное мнение.

— Это называется этюд,— негромко поясняет заведующий клубом В. В. Красин, как бы невзначай подходя к группе женщин.— Здесь видна попытка схватить солнечный день...

Каждое пояснение его комментирует крепкая, живая старуха с озорными глазами. Клюшина Лидия Ивановна, бригадир из Магова, самой дальней бригады. После заседания правления зашла в «Третьяковку». Высказывается она громко и почти всегда впопад:

— Я вот так-то завсегда — получу письмо от сына, так уж и поплачу и почитаю.— Это она про картину, на которой сельский почтальон подает письмо такой же, как она, старой матери.— И эта картина живая, солнышко-то на ней теплое. Уж больно хорошо!.. А эта темная и виду не имеет... Лес зимний тихий, а тут никакой тишины-то нет, и березка не светится, а ведь она дерево веселое!..

Клюшина идет от картины к картине, от рассвета на озере к солнечным бревнам у пилорамы, и лицо ее то будто голубеет от холодного тумана, то освещается веселым деревом, то суровеет, то собирается в морщины. Клюшиной шестьдесят четыре, она ровесница века. А мне не верится, что бригадиру из Магова так много лет — кажется, будто она не старше нашей революции. Да и, по существу, конечно же, она ровесница новой деревне, в которой и сама безвыездно живет, которой попросту не было бы без нее, Лидии Ивановны. Ее руками, руками сильной, бойкой женщины, делается жизнь в этой северной деревне, потому-то Клюшина так радуется, когда узнает ее, эту жизнь, на остро пахнущем красками полотне, или в новой песне, или в телепередаче. И высмеивает, когда не узнает...

И люди — я видел — согласны с нею, потому что в Антипине все больше и больше таких, кто разбирается в живописи, у кого крепнет потребность сверить свои впечатления от увиденного в жизни с впечатлениями художников, поэтов и тех, кто снимает кинокартины. Такая перемена не случайна. Именно Костромская область давно и полностью радиофицирована, здесь теперь уж, наверное, в каждую деревню проведено электричество, даже в далеких лесных углах выросли над железными и чешуйчатыми — из дранки — крышами тонкоствольные рощицы телевизорных антенн. Радио- и киногерои перешагнули пороги по-северному высоких, узорчатых изб и клубов. А теперь еще, вот как в Антипине, вошла в дома и живопись с ее героями, с ее миром красок и размышлений...

Наша машина катит новым трактом мимо лесов и сел, осиянных октябрьским солнцем. Леса и села нарядны, как-то вызывающе праздничны, почти сказочны. Меж ними тянутся серые болотины, там и тут темнеют тихие, опустевшие поля. Бежит через эти болотины и притихшие поля белесая дороженька — и вдруг поднимется из-под угора совсем игрушечная церковка, и открывается село в тени берез и рябин. Избы с высокими коньками, окна с резными наличниками. И крыльцо-то каждое, как терем-теремок. Можно часами ходить по порядкам костромских колхозов «Дружба», «Родина», «Пятилетка» и только смотреть, смотреть, разглядывать дома. Сколько хозяев — столько и рисунков на оконных кружевах. А в «Родине» еще и краски! Новый дом — новая краска. Не деревенский порядок, а радуга, упавшая на землю, рассыпавшаяся на сотни теплых разноцветных черепков. Веселое дерево!..

Кто знает, о чем вздыхали-мечтали резчики по дереву, плотники-виртуозы, затевая сказочные убранства для небогатых северных селений! Их веками наследуемое мастерство можно понять как попытку приукрасить сирое да убогое существование лесных крестьян. Сейчас разноцветье и деревянная вязь домов в колхозах «Пятилетка», «Родина» смотрятся как-то иначе, их наряд естествен, задорная радость все более закономерна. Меняется самый уклад деревенской жизни: словно короче стали зимние вечера, исчезли в ярко освещенных избах темные углы, выше церковных колоколен поднялись ажурные мачты ретрансляционной линии, по весне скворцы высвистывают на телевизионных антеннах, а в клубах бабоньки повторяют новость: «Слышь, в епархии-то с кадрами больно уж плохо, так ведь двенадцать-то приходов, слышь, священников не имеют...»

Старая деревня славилась старыми обрядами. Конечно, большей частью религиозными и, конечно, дремуче-зверскими. Крещение посинелых младенцев в стылых купелях, целование слюнявых иконостасов, драки по принципу «стенка на стенку», массовые попойки на могильных холмах в родительскую субботу, регулярные гульбища в довольно частые престольные праздники, опять же всем селом, с пьянками и поножовщиной...

Обряды — это хорошо. Это и традиция и праздничное окно в череде трудовых будней. Но обряд обряду рознь. Одно дело—калечащие душу моления или бессмысленные крестные ходы в сушь, и другое — какой-нибудь веселый ритуал, талантливо разыгранный сценарий народного гулянья, нарожденного самой жизнью.

В колхозе «Пятилетка» рассказали, как в канун коллективизации один из крестьян деревни Шемякино восстал против обряда венчания. Костя Гурьянов вернулся с гражданской партийным. Вернулся, поделил землю между бедняками, стал сам строиться. А тут спустя время выбрал и невесту. Сговорились домами, отказа нет — значит, можно играть к зиме свадьбу. Дело спроворили, но как быть с венчанием? Раньше венчались, а теперь, когда власть комбеда и Советов? У стариков и тени сомнения не было: в церковь надо, вот она под боком, в Петрилове... «Нет, только не под венец!» — решил Константин Гурьянов.

В Шемякине и сейчас старухи помнят диво дивное: на рассвете осеннего дня идет порядком богоотступник, грамотей и «срамник» Костька Гурьянов с флагом красным, а под тем флагом, тоже красная, как кумач, Анька, его невеста... Идут при всем честном народе—и хоть бы что! Оно, конечно, на миру и смерть красна, да только бабьи языки страшнее смерти, да и батюшка что-то скажет?..

Это был протест. Протест против косного, нелепого обряда. Люди молодые женятся, а церковь-то при чем тут? Люди любят друг друга, а поп-то зачем? У людей праздник, может, лучший в жизни, а зачем тогда распятие под нос тычут?.. Константин Васильевич Гурьянов из костромской деревни Шемякино играл свадьбу по-своему, без венца и попа, с красным флагом, под гармонь. Он провел невесту деревней, чтобы люди знали: настало время новых песен и обрядов!..

Конечно, не так-то просто поломать старое, утвердить новое. Особенно в быту. Можно утром сбегать наскоро в церковь, а вечер просидеть у телевизора. Так порою и бывает...

Парторг колхоза «Пятилетка» Иосиф Иванович Журин рассказывал, что в Петрилове давно в церкви бузина растет, а вот новые обряды только еще приживаются. Вспомнив стародавнее шествие Гурьянова, молодые теперь объезжают все шесть деревень колхоза—целый свадебный поезд с цветами в гривах быстрых лошадей, с песнями, на санях. В «Пятилетке» новобрачным всем колхозом дарят подарки. Был даже такой случай: старик Лазарев, член правления и коммунист, тайно обвенчал свою дочь, а потом долго обижался на комитет комсомола: чего же, мол, ей подарка, как людям, не преподнесли?

— Встречаем и новорожденного с подарками,— рассказывает Жу-

Тамара Белякова, секретарь комитета комсомола колхоза имени Ленина.

рин.— Колхозный женсовет мать привозит домой и тоже ее одаривает. Потом звездины, торжественная регистрация младенца в сельсовете. Опять всему колхозу радость!

В «Пятилетке» о таких событиях сообщает колхозная многотиражка. Вот, например, целая подборка: «Доброго пути вам, Саша и Аля, Коля и Галя, Толя и Женя». Или снимок: Игорь Грачев и Галя Большакова обмениваются кольцами... Или заметка: «Пенится шампанское, звенят поднятые бокалы, и, с ними согласуясь, поет переливами баян. И все здесь вдохновенно, жизнеутверждающе, радостно... Смотришь на них, молодых, счастливых, и радостно, и хочется сказать им:

— Доброго пути вам, дорогие друзья, большой вам жизни и счастья!»

Такие номера колхозной газеты навечно хранятся уже во многих семьях Шемякина, Петрилова, Сухоногова. Такой номер лежит и в шкатулке молодой семьи Игоря и Нины Савельевых.

А нынешней осенью правление колхоза устроило в своем Доме культуры вечер молодоженов «образца весны 1964 года». Тринадцать счастливых пар пришли в гости, можно сказать, ко всему колхозу. А колхоз — к ним!

Было много света и цветов, много красных гроздьев рябины, были шампанское, танцы и музыка. Хорошо говорила о жизни мать-героиня, бухгалтер колхоза Валентина Александровна Замятина. А за окнами зала, убранного золотом осени, поднимались волны совсем близко подошедшей к селу Большой Волги. Улетали на юг птицы. Настала пора новых сговоров и свадеб. Об этом думало, наверное, веселое дерево береза...

В Судиславле заместитель секретаря парткома Валентина Ивановна Зенченкова показала нам алую книжку — «Свидетельство о браке». Здесь, в древнем Судиславле и его окрестных селах, тоже постепенно становится традицией проведение торжественных свадебных обрядов с самым широким участием общественности колхозов и предприятий. И, ей-богу, сразу веселее стало жить! Дело даже не в богатых или скромных подарках, а в том внимании, какое оказывают молодым теперь не только родственники и друзья, но часто и люди незнакомые, однако кровно заинтересованные в укреплении советской семьи, в утверждении нового уклада деревенской жизни.

В Доме пионеров в небольшом зале под шестью портретами космонавтов (теперь их, наверное, девять!) лежат семь слабо шевелящихся свертoчков. Сегодня торжественная регистрация новорожденных. Кто-то шутит: «Космонавты лежат! Ишь, красные да оранжевые одеяльца, как скафандры— одни глаза видно!..»

Родители, рабочие леспромхоза и колхозники, принарядились, явно омущены и взволнованы. Все происходящее очень торжественно и очень необычно. Звучит радиола. На стол — все выше и выше — ложатся цветы, последние цветы года. И охапки лесного золота. Случайно, но очень как-то хорошо — есть в этом своя символика — оказался рядом с новорожденными пионерский барабан. А над барабаном знамя!..

Валентина Ивановна говорит о близком празднике революции, торжестве нашей новой жизни, о том, что каждый новый жилец в нашем советском доме — это событие для всех, это праздник для всех, это новые заботы для всех.

Свидетельства о рождении — синие, тисненные золотом книжки — вручает родителям председатель Судиславльского райисполкома Леонид Михайлович Утешев. Он для каждого находит добрые, теплые слова, а пожелание у него одно:

— Пусть и дети ваши будут такими, как вы!

Слова эти адресованы замечательному газосварщику Виталию Копылову и его жене Полине, кузнецу Владимиру Зеленову и его жене доярке Валентине Зеленовой, колхознику Петру Старуну и его жене колхозному бухгалтеру Ираиде и другим отцам и матерям. Потом вручают подарки. И от колхоза, и от месткома, и от комитета комсомола. Играет гармонист Слава Гусев. Играет и улыбается: сам только что гулял комсомольскую свадьбу!

Петр Старун отходит к своей маленькой, едва видной за кружевным пододеяльником Татьяне и читает ей только что врученное свидетельство: «С рождением тебя, гражданин Союза Советских Социалистических Республик!

На земле нет большего счастья, чем быть борцом и созидателем нового, коммунистического мира. Желаем тебе завоевать это высшее счастье жизни!..»

Высшее счастье! Хорошие слова... Петр явно растроган, его тяжелая рука поднимает бокал с шампанским. Затем тосты, и снова музыка. Но вот виновники торжества уже начинают протестовать — ритуал звездин, красочный и шумный, показался им несколько затянутым. Мамаши спешат разобрать («Ой, не перепутать бы!..») тоненько зазвучавшие свертoчки. Отцы что-то говорят о саженцах и лопатах. Оказывается, в Судиславле за озером, созданным руками жителей под склоном векового бора, заложен парк знаменательных событий. Знаменательные события — дни общенародных торжеств, комсомольские свадьбы и звездины.

Все вместе идем к озеру. Звенит лопата. Опадают листья берез, тополей, рябин. Над дерниной склоняется Петр Старун, разгребает землю сильными пальцами. Адам Федорович Каско, председатель общества охраны природы, опускает в ямку корневище молодой березки. Петр засыпает ее корешки землей. Бросает землю и Леонид Михайлович, председатель райисполкома. Валентина Ивановна, и всегда-то веселая, деятельная, громко и песенно приговаривает:

— Расти, березонька, большая, расти долго!..

И вот чуточку длиннее стала аллейка молодого парка. Как раз на одну березку длиннее. Она стоит прямо, лучиком светлеет на фоне осенней воды. На белой веточке повисла солнечная паутинка. И, словно такая же легкая паутинка бабьего лета, тянется белый след неслышного самолета в высоком октябрьском небе. А на земле стоит еще одно веселое дерево. Значит, родился под высоким октябрьским небом еще один наш человек.

С поля...

Такие улицы в колхозе «Родина».

ПОДАРОК КОММУНАРА

Андре ВЮРМСЕР

огда умерла моя бабушка, я был в таком же возрасте, как сейчас мой внук. Это меня несколько утешает на старости лет: наверное, этот ребенок сохранит обо мне хоть какие-нибудь воспоминания — ведь я-то помню свою бабушку.

Как сейчас, вижу ее платье из черной тафты, брошку с камеей, и это помогает мне лучше представить себе героиню небольшого происшествия, о котором столько раз рассказывала мне моя мать.

Об этом далеком годе мама, которая сама тогда была совсем маленькой, сохранила одно-единственное воспоминание. Всю неделю в городе шли бои. Всю неделю убивали рабочих, стариков, детей — без разбора. Моя бабушка и двое ее детей жили в многонаселенном квартале. Париж тогда находился в осаде, и дедушки не было в городе.

Однажды на лестнице послышалась беготня, и на нашу дверь обрушился град ударов. Едва ее отворили, как молодой рабочий, запыхавшись, произнес: «Спрячьте меня, умоляю, а то меня убьют!» У бабушки было не только доброе сердце, но и здравый ум. Она пустила того, за кем гнались, и спрятала парня между кроватью своей больной матери и стеной. Мгновение спустя к нам ворвались разъяренные солдаты версальцев. «Нет,— заявила бабушка,— никого я здесь не видела»,— и сама предложила солдатам обыскать квартиру. Но перед заветной дверью она сказала: «Не шумите, прошу вас. Это комната моей старой матери, которая очень больна». Солдаты только заглянули туда и даже не вошли в комнату.

Спустя некоторое время молодой рабочий, который тогда прятался у нас, пришел навестить бабушку. Он оказался столяром-краснодеревщиком из Парижа и принес в подарок великолепный детский стульчик, полированный, с плетеным сиденьем, с подставкой для тарелочки с кашей. «Вам я обязан жизнью, мадам»,— сказал столяр, вручая свой подарок. Мои дяди и тети один за другим восседали на высоком сиденье этого исторического стульчика. Потом его хранили в чулане как реликвию. Его извлекли оттуда, когда для поколения, родившегося в дни Коммуны, при-

шло время любви. По очереди мои старшие братья, я сам и младшие братья занимали этот стул. Подрастая, мы питали к нему уважение, потому что он был сделан и подарен коммунаром.

Потом я видел стул коммунара у моих тетушек. Он то появлялся на свет, то исчезал. Его убрали в чулан и достали оттуда сначала для моей дочки, потом для сына. Но на этом его служба не кончилась. Мой внук колотил ложкой по той самой подставке, по которой стучали ложками его предки.

В 1871 году делали очень добротные детские стульчики!

Сорок шесть лет спустя молодой рабочий поднялся по ступеням Зимнего дворца, и на этот раз прятаться пришлось русским «версальцам»!

С тех пор минуло еще сорок семь лет. В течение первых сорока шести лет жизни моего детского стульчика версальцы и прочие душители свободы безраздельно царили в Париже, в Петербурге и во всем остальном мире. Они завоевали Африку. Они покорили Азию. Они предали народы этих континентов так же, как версальцы предали парижских рабочих, и из тех же соображений: они стремились извлекать прибыли из труда тех и других. В течение этих первых сорока шести лет не было ни одного дня, чтобы угнетатели в какой-нибудь части мира не замучили, не посадили в тюрьму, не избили дубинками, не убили рабочего. Ни одного дня, чтобы рабочие не бастовали, ни одного дня, чтобы не пролилась кровь невинных, тех, кто протестовал против несправедливости властителей. Сорок шесть лет версальцы и прочие учили в школах, что коммунары были варварами и что лишь метрополия по своей милости бескорыстно даровала алжирцам и вьетнамцам блага цивилизации.

Сорок шесть лет они считали непреложной истиной, что в 1870—1871 годах произошло лишь одно важное событие — франко-прусская война, которая, правда, дала повод к достойным сожаления волнениям, не имевшим существенных последствий,— к Парижской коммуне.

Сорок шесть лет мир и разоружение были в полном смысле слова утопией. Каждый год разражалась война между двумя соперниками, между конкурентами, нациями, натравливаемыми их алчными властителями. Наконец весь мир охватила война, в которой погиб старший из внуков моей бабушки.

Сорок шесть лет социализм продолжали считать утопией, тем, что развращенные называют моими мечтами , говорил Бабеф перед тем, как он был казнен термидорианцами. Утопией называли и мечты тех, для которых миф об Икаре имел реальную основу.

Буржуазные мыслители считали утопией надежды людей до тех пор, пока их скептицизм не был опровергнут. Опровергнут историей. Опровергнут первыми авиаторами. Опровергнут Октябрьской революцией. Это было сорок семь лет назад. Половина того времени, которое прошло с Парижской коммуны до наших дней, в Советском Союзе, а потом на одной трети земного шара шло строительство социализма.

Двадцать пять лет версальцы считали непреложной истиной, что в 1914—1918 годах произошло лишь одно важное событие — первая мировая война, которая послужила поводом к достойным сожаления волнениям в России и временной смене режима. Временной, потому что социализм — это ведь не что иное, как утопия. И в течение двадцати других лет они утверждали, что в 1939—1945 годах единственным важным событием была война, которая окончилась победой союзников над германской империей и армиями микадо. Правда, эта война послужила поводом для временных изменений в Центральной Европе...

Во всяком случае, есть разница между первыми годами моего детского стульчика и первыми годами моего внука: в 1872 году еще многие верили пророкам буржуазии, а сегодня никто уже больше не принимает всерьез их глупую пропаганду.

* * *

Если бы мой стульчик мог говорить!.. Он сказал бы, что он не антикварная редкость, не музейный экспонат, что он повидал на своем веку столько, сколько не довелось иным старикам. Он сказал бы: «Я не так глуп, как солдаты версальцев, и я знаю: хотя в 1871 году важным для мира и человечества они считали судьбу Эльзаса и Лотарингии, на самом деле решающее влияние на судьбы мира оказала Парижская коммуна.

Я знаю,— сказал бы мой стул,— что самым главным из того, что произошло между 1914 и 1918 годами, были не события на берегах Марны, Припяти или Изонцы, а то, что происходило на площади перед Финляндским вокзалом и в Зимнем дворце.

А в 1939—1945 годах решающим было то, что знамя Советской Армии взвилось над рейхстагом, «наше славное красное знамя, алое от рабочей крови», как поется в нашей славной революционной песне. Победа этого знамени проложила социализму путь и в Прагу, и в Варшаву, и в Софию, и в Бухарест.

Мой стульчик сказал бы, что царские троны, незыблемые сотни и сотни лет, не знали иных изменений, кроме веса тех, кто на них восседал, а он, простой стул, сделанный простым рабочим для простой доброй женщины, видел разорванные цепи, выкованные веками капитализма и колониализма. Он сказал бы мне: «Помнишь ли, дитя мое (для детского стульчика тот, кто на нем сидел, всегда остается ребенком), твое первое путешествие в Москву и последних коммунаров, которые шли во главе вооруженных рабочих? Один из стариков, который увидел, как мечты стали явью, может быть, и был тем самым человеком, которого спасла твоя бабушка...»

Стул сказал бы: «Смотри, самые заметные изменения — это не изменения в технике, модах, искусстве, транспорте. Я говорю не только о Коммуне, об Октябре и о Волгограде. Я имею в виду те изменения, которые произошли в сознании, в умах людей. То, что было утопией в мои молодые годы,— разоружение, мир — теперь, при социализме, уже не утопия. То, что было актом веры для моего создателя,— всеобщая победа социализма, теперь стало логической уверенностью. Смотри, я переносил удары, я был свидетелем смеха и слез четырех поколений. Первое из них выросло, ничего не зная о мире, оно было поглощено лишь заботой о хлебе насущном, и судьбы человечества были ему безразличны. Этому поколению довелось вынести преступления, творимые властью денег: пытки, войны, нищету.

Второму поколению, к которому принадлежишь ты, первая мировая война и Октябрьская революция, как прожектором, осветили будущее, над которым не тяготели те проклятия, что над предшествующими поколениями. Ты уже давно коммунист, но твои дети стали коммунистами без всяких усилий, так же естественно, по выражению Пикассо, как припасть к роднику. Мой творец столяр сражался не напрасно, и не напрасно твоя бабушка, даже не зная, какому делу она тем самым служила, спасла жизнь этому человеку. В возрасте твоего внука и много, много позже ты даже не знал его, этого коммунара, а твой малыш живет во времена спутников и освобождения колониальных народов, во времена, открывшие всему прогрессивному человечеству достижимые теперь рубежи — коммунизм.

Ты прекрасно знаешь, что сейчас твои противники, полемизируя с тобой, не говорят больше: «**Если** вы, коммунисты, придете к власти...» Они говорят: «**Когда** коммунисты придут к власти...»

* * *

Я не уверен, что если бы мой детский стульчик обладал даром речи, он мог бы высказать столько премудрых мыслей, которые буржуазная пресса не способна напечатать, но, помимо всего, ведь это был не простой стул, а подарок коммунара!

И всегда в день Седьмого ноября я думаю о том, кто его сделал, о человеке, который уже давно умер, но который все равно остается в строю миллионов живых, поющих в этот день «Интернационал» на Красной площади.

В. ЖУРАВСКИЙ

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ПОЛВЕКА

Карел Смишек.

Без

ПАРЕНЬ
в Хельсинки на вокзале.
Он приехал
бог знает откуда:
из Кийминги,
из Полвиярви.
Приехал искать работы
на стройках.
Он получает работу.
Он ходит обедать
в столовку.
Он живет
бог знает где:
в Рёёпери,
в Сёрка.
Он работает,
записывается в профсоюз.
Он получает получку,
покупает себе
синий шевиотовый костюм.
Он идет вечером на танцы
в дансинг Веннера.

ДЕВУШКА
танцует в дансинге Веннера.
Она приехала в город
бог знает откуда:
из Полвиярви,
из Кийминги.
Она работает
в столовке,
моет посуду.
С той недели
ее обещали принять
на трикотажную фабрику.

ДЕВУШКА С ПАРНЕМ
танцуют.
Парень думает:

Передо мной лежит документ — ровесник моего поколения, рожденного в бурю гражданской войны. Он написан не на бумаге, а на лоскуте льняной ткани размером чуть побольше этикетки спичечной коробки. В нем всего одна фраза, отбитая на машинке. Однако на меня глядит эпоха, не знающая себе равных по героизму, глядит наша революция.

Льняной лоскут бережно положил передо мной на стол директор Пражского музея Владимира Ильича Ленина. Документ написан по-русски. Я читаю:

«Мандат. Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего т. Смишек Карел действительно командируется на парт. работу в Чехословакию.

Москва, 22.X.1920 г.».

Чья-то поблекшая подпись и печать Центрального Чехословацкого бюро Третьего Интернационала.

Мандат солдата партии.

— Если хотите повидаться,— говорит директор музея Милош Янда,— могу дать его адрес.

...На пороге встречает меня высокий, крупный седовласый человек, в прошлом, судя по всему, богатырь. Семь десятков лет, две мировых войны и три революции его не согнули. Рукопожатие у него сильное, как у молодого.

— Добро пожаловать! — приглашает он по-русски, чуть приметно по-сибирски акцентируя на «о».

После нескольких минут беседы мне кажется, что я знаком с семьей Смишека всю жизнь. Уютно гудит самовар, по-славянски гостеприимно хлопочет у стола Квета Антоновна, жена и боевая подруга Карела Йозефовича...

— Будь самовар с цистерну,— шутит Карел Йозефович,— все равно не хватит нам времени для нашего разговора.

И это верно. Потому что много дел свершил Карел Смишек за свою жизнь. Об этих делах должны знать люди...

Карел Смишек вступил в социал-демократическую партию в 1912 году. Два года спустя его мобилизовали и вместе с другими солдатами отправили на Восточный фронт умирать за кайзеровскую Австро-Венгрию...

Карел Йозефович берет с книжной полки книгу о бравом солдате Швейке и, посмеиваясь, читает: «...всех распихали по вагонам из расчета 42 человека или 8 лошадей. Лошади, разумеется, ехали с большими удобствами, так как могли спать стоя...»

...Прибыв на фронт, солдаты 28-го Пражского полка, в котором служил Карел Смишек, расстреляли немецких офицеров и в полном составе, организованно сдались в плен русским.

Из Галиции путь чехов и словаков лежал через всю Россию, в Сибирь.

— Она, матушка Сибирь, и сделала меня человеком. Потому что там было тогда много прекрасных революционеров, большевиков.

Живя в Омске, Смишек познакомился с сосланным на пожизненное поселение смоленским большевиком Смотровым, стал посещать марксистско-ленинский кружок, которым тот руководил, и выполнять партийные поручения.

Февральская революция застала Смишека в городке Боготоле, близ Ачинска. Еще за неделю до прихода вестей о низвержении царя, местный большевистский Совет рабочих и крестьянских депутатов взял всю полноту власти в свои руки. Карел Смишек сражался против полиции и жандармерии как солдат рабочего отряда, а затем народной милиции.

По Сибири стал рыскать взбунтовавшийся чехословацкий корпус.

О мятеже, организованном в 1918 году продавшимся Антанте командным составом этого корпуса, достаточно известно. Почему-то гораздо меньше известно, что более 15 тысяч чехов и словаков принимали активное участие в Октябрьской революции, сражались в частях Красной Армии на фронтах гражданской войны.

Карел Смишек тоже был в корпусе. Он пошел туда по поручению партии, чтобы вести большевистскую пропаганду среди солдат. Он был воином в стане врага и героически сражался за социалистическую Россию!

В битве за власть Советов погиб Смотров. Смишек принял из рук своего учителя красное знамя революции и пронес его через всю свою жизнь.

Вместе с Антонином Запотоцким и другими товарищами Карел Смишек был участником II конгресса Коммунистического Интернационала. На заседаниях конгресса он видел Владимира Ильича, слушал его выступления.

По путевке Коминтерна, напечатанной на льняном лоскутке, Смишек возвратился на родину.

Годы, многие годы тяжелой и рискованной подпольной работы, когда каждый день, каждый час грозил тюрьмой и смертью...

Когда на Страну Советов, на его вторую родину, напала гитлеровская Германия, опытнейший связист, радиотехник и шифровальщик Карел Смишек по заданию партии готовит кадры для партизанских отрядов, действовавших в оккупированных фашистами странах Восточной Европы. В августе 1944 года по заданию Московского бюро Центрального Комитета КПЧ он и сам спускается на парашюте в Словакию, где бушует могучее пламя партизанской войны. Как и в дни Великого Октября, Смишек сражается плечом к плечу с русскими и украинскими братьями. Он осуществляет связь между одним из руководителей восстания, Яном Швермой, и Климентом Готвальдом.

И народ победил, победил чехословацкий Октябрь — чехословацкая социалистическая революция! И только тогда ветеран партии сдал свой льняной мандат солдата революции в музей. Он получил новый партийный билет, краснокожий мандат партии, строящей в Чехословакии социализм и коммунизм.

— Да, я формально на пенсии,— улыбается Карел Смишек.— Но не в отставке. Коммунисты в отставку не выходят!

названия

Арво ТУРТИАЙНЕН

«Девушка для меня слишком шикарна».

Девушка думает:

«Парень для меня слишком прост».

Они разговаривают.

Выясняется,
что девушка из Полвиярви,
парень из Киймминги.

Им становится смешно.

Они оба деревенские.

И девушка больше не кажется парню

слишком шикарной,
и парень девушке
вовсе не кажется слишком простым.

Они танцуют
много раз в этот вечер,
много раз в эту зиму.

Парень провожает ее до дому,
девушка пускает его к себе.

Они лежат рядышком
на шезлонге
и смеются.

Им смешно.

Они оба деревенские.

Они пишут письма домой.

Каждый пишет:

— Мне хорошо.

Здесь можно устроиться.

Им хорошо.

Девушка пускает парня к себе
много раз
в эту зиму.

ПАРЕНЬ И ДЕВУШКА

в ратуше
стоят перед мэром.
Парень кивает —
да,
девушка краснеет —
да.
Они выходят на улицу,
они теперь
муж и жена.
Они идут домой.
Они живут
бог знает где:
в Сёрка,
в Рёёпери.
Шезлонг,
печурка,
стол,
стул,
крыша над головой.
Парень работает
на строительстве,
девушка
на трикотажной фабрике.
Они семья —
муж и жена,
счастливчики.

СЕМЬЯ

гуляет по бульвару.
Отец —
это тот парень —
катит коляску,
это та девушка
наклоняется к ребенку, —
это их ребенок.
Они семья.
Они привыкают к этому
мало-помалу.

ОТЕЦ И МАТЬ

ходят на работу.

Рождается второй ребенок.

Проходит год,

рождается третий ребенок.

Однажды отец приходит
с работы домой.

Он говорит:

— Кризис,
не строят больше,
получил расчет.

— Ничего,—
говорит мать,—
я пойду снова работать
на трикотажную фабрику.

Мать работает на фабрике.

Однажды она приходит домой
раньше времени.

Она говорит:

— Больше не могу.

Рождается четвертый ребенок.
Они живут
бог знает как,
живут
бог знает где:
в Сёрка,
в Рёёпери,
в Малми,
в Тапанила.

Отец, мать и четверо детей,
плитка-печурка,
12 квадратных метров,
тряпки,
лохмотья,
беспросветная нищета.

Это кризис.
Нигде ничего не строят.

Кризис кончается.
Строят опять.
Отец получает работу,
снова строят Хельсинки.
Дети подрастают.
Вот и мать может снова
пойти на работу.
Так уже лучше.
Старший сын
идет с отцом на стройку,
он учится класть кирпичи.
Старшая дочь
идет с матерью на фабрику,
учится работать у станка.
Посветлело.
Может, удастся купить квартиру.

Строят планы.
Может, младшие дети смогут учиться,
выйдут в люди.
Только бы не война,
о ней говорят так много.
Только бы не безработица,
иначе все рухнет.

СЕМЬЯ —

отец, мать и четверо детей.
Они живут в Хельсинки.
Они строят Хельсинки,
новые фабрики в Полвиярви,
новые жилые кварталы
в Киймминги.

Хельсинки.

Перевел с финского
Вл. БОГАЧЕВ.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПРОСПЕКТ

Отныне и до века...

Н. ХРАБРОВА,
Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Улица прямым лучом летит через весь город от кремлевского холма к далеким полям. Ей двадцать лет. А городу около тысячи, может быть, и больше. Дозорным витязем юной Руси начал Псков свою жизнь на западном рубеже, на высоком крутом холме у слияния двух рек.

Не раз за долгую жизнь рушились в бою стены города и зарастали бурьяном улицы. Но снова вставал на холме каменный кремль и зацветали молодые сады.

...Три собора, четыре монастыря, девятнадцать церквей, пятнадцать часовен: очень богомольный был городок. Ну, и несколько «фабрик» — свечевосковых, медоваренных, кожевенных.

Совсем другой город стоит теперь на берегах реки Великой и Псковы. Здесь новые дома, новые заводы, иные обычаи, иная жизнь. Поднимаясь из послевоенных руин, Псков взял старт от кремлевского холма в далекий простор полей, в будущее, чтоб было куда двигаться и расти. И назвал свою главную улицу Октябрьским проспектом.

Вот здания, уцелевшие от дореволюционного прошлого: тюрьма и казармы Иркутского полка. Но тюрьма теперь перестроена под заводоуправление, а казармы — под цеха машиностроительного завода. Завод выпускает машину с коротким названием «нитрон». Но коротко только название, а сам агрегат состоит из двадцати шести сложных машин для производства синтетического заменителя шерсти — нитрона. За десятилетие продукция завода увеличилась в двадцать пять раз. И сколько людей из Запсковья, Завеличья, из центра сходится к началу смены на Октябрьский, к проходной завода!

Напротив машиностроительного, чуть в стороне от проспекта,— завод автоматических телефонных станций. Сквозь одну из стен завода, сплошь стеклянную, виден новый, многоэтажный Псков. Только эта прозрачная стена отделяет заводской конвейер по сборке стативов от последних капустных грядок бывшей Царевской слободы. По отзывам специалистов, это самый простой, легкий и удобный конвейер во всей Европе. Его автор — заводское бюро автоматизации и механизации во главе с инженером Юрием Васильевичем Журавлевым. А хозяйки конвейера — девчонки в коротеньких белых халатиках, с высокими модными прическами. Все они имеют среднее образование, почти все студентки-заочницы. В перерыве хозяйки, смеясь и болтая, совсем как школьницы, с аппетитом грызут яблоки, а в часы работы собирают стативы со студенческим усердием. Такие же старательные модницы работают и на соседнем заводе — аппаратуры дальней связи. Недавно здесь выполнили заказ для воздушных линий связи с Токио, с Олимпиадой.

На заводе строительных деталей хозяйничают юноши: снабжают панелями и блоками все строительство Пскова. В 1965 году им предстоит «напечь» уйму блоков и панелей для нового города в пятьдесят тысяч жителей, который будет построен в Завеличье. И уж, верно, ребята не подкачают! Недаром Госстрой СССР в этом году за хорошее производство

КВН. Здесь старшекурсники пединститута, пригласившие на студенческие крестины первогодков, проверят их сообразительность.

Долго не гаснут огни рабочих клубов, студенческих общежитий. Псковитяне любят шутку и умеют отдохнуть.

крупных блоков отметил три города: Москву, Ленинград и Псков. Хорошо умеют работать молодые псковитяне!

А умеют ли они так же хорошо отдыхать? Что за жизнь кипит на Октябрьском проспекте вечером, когда город зажигает огни?

Вечером нас пригласили в городскую читальню. Там под предводительством секретаря горкома комсомола Валентина Пяткина собирается клуб поэтов. Собрались в первый раз, еще не все знают друг друга. Однако разговор завязался быстро, разговор горячий. Спорят о белом стихе, о современной поэзии, соглашаются на том, что поэзия нынче шагает шире и свободнее, чем проза.

...Из большого дома течет на улицу музыка. Здесь праздник. Да еще какой! Свадьба. Риту и Всеволода Афанасьевых от имени города поздравляет Наталья Александровна Минаева:

— Желаю вам хорошей дружбы, долгой любви! — И вдруг улыбается, добавляет: — И успехов в учении!

Все вполне естественно: Рита — студентка педагогического института, Наталья Александровна — заслуженная учительница, а Всеволод — молодой инженер, ему тоже без науки никак нельзя.

А вот и еще большой дом с распахнутыми окнами, из которого музыка рвется на улицу во всю мочь: в педагогическом институте идет традиционный ежегодный бал, который называется «Крестины первокурсников». В этот вечер старшекурсники необыкновенно нежны с самыми младшими, их размещают у самой сцены, приветствуют их, поют для них, читают стихи и танцуют.

И еще одни крестины на Октябрьском проспекте, не аллегорические, а настоящие. Речь держит секретарь горисполкома Валентина Георгиевна Снегирева:

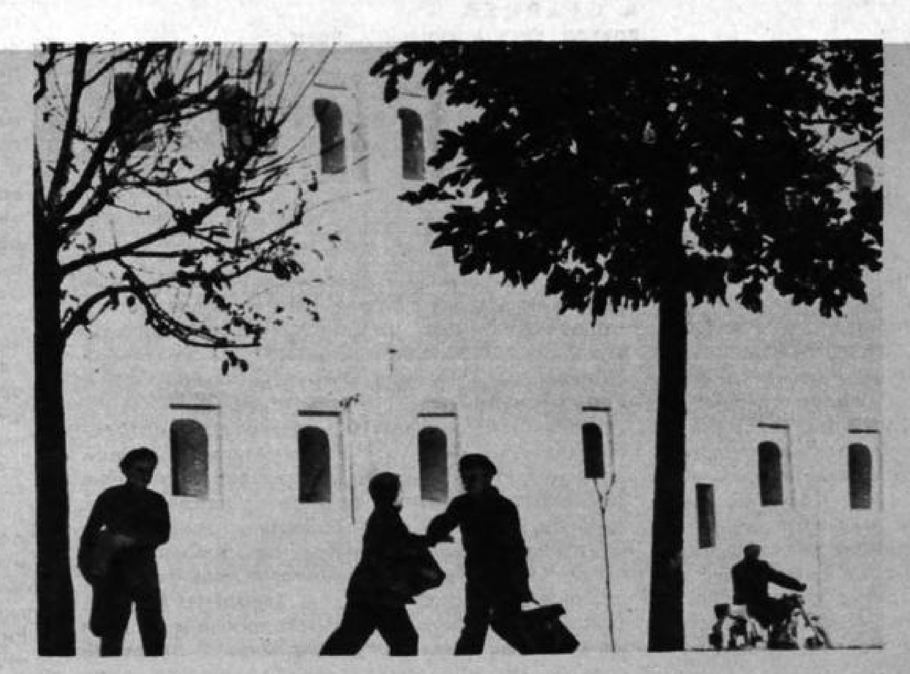
— Дорогие товарищи! Сегодня в нашем городе радостное событие — мы даем имена двадцати трем самым юным гражданам!

Так молодое поколение устанавливает свои традиции в некогда богомольном городке. И кстати сказать: старые церкви не заброшены. Те из них, которые выстояли войну, стали памятниками древнепсковского строительного зодчества, легкого и пленительного. О них печется псковская реставрационная мастерская. И старые книги не забыты: их хранят и исследуют в хранилище под неусыпным оком Леонида Алексеевича Творогова, посвятившего псковской старине всю жизнь.

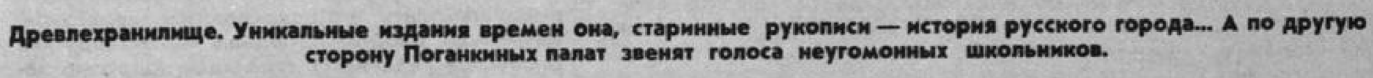

Первыми в Пскове просыпаются строители.

Древлехранилище. Уникальные издания времен она, старинные рукописи — история русского города... А по другую сторону Поганкиных палат звенят голоса неугомонных школьников.

Народный театр. Слово — режиссеру Юрию Витальевичу Полонскому.

Автоматические телефонные станции делают в Пскове.

Русские блокноты Джона Рида

А. СТАРЦЕВ,
доктор филологических наук

Давно было известно, что существуют русские блокноты Джона Рида, относящиеся к его приезду в Россию осенью 1917 года, когда он стал свидетелем и участником «десяти дней, которые потрясли мир», и к следующему его приезду, в 1919—1920 годах, уже при утвердившейся Советской власти. Блокноты Рида сперва находились во владении его вдовы, писательницы Луизы Брайант, а после ее смерти поступили в один из американских архивов.

Вот эти блокноты — в фотокопии — перед нами. Иные из них в отличной сохранности, даже пронумерованные Ридом. Другие сохранились частично. А есть и россыпь недатированных, ненумерованных листков, с ветхим краем, с оборванными углами.

Часть записей сделана чернилами, четким бисерным почерком, как видно, за столом в гостиничном номере. Но больше таких, где почерк неразборчив, строка наскакивает на строку и буква на букву, слова сокращены как попало, подчас самым загадочным образом. Это беглые заметки, сделанные наспех и на ходу — на улице, на митинге или в поезде, закоченевшей рукой, тупым, давно не чиненным карандашом. Для самого Рида его записи были родом стенограммы, которую он, без сомнения, легко расшифровывал на другой день под живым еще впечатлением описанных накануне событий. Исследователю, обращающемуся к его блокнотам через четыре с лишним десятилетия, каждую вторую или третью строку приходится брать «с бою», вчитываясь, раздумывая, гадая.

Всего здесь около семисот блокнотных страниц, заполненных рукой Рида.

Русские блокноты Джона Рида представляют тройной интерес.

Это историко-революционный документ бесспорного значения, журналистские записи, принадлежащие непосредственному наблюдателю дней Великого Октября и первых дней Советской власти.

В блокнотах Рида — важный материал для творческой истории «10 дней, которые потрясли мир», как бы основа его знаменитой книги. И тот материал, который должен был послужить для другой его книги, «От Корнилова до Брест-Литовска», задуманной им, но не написанной.

Наконец, русские блокноты — неоценимый источник для биографии этого выдающегося человека, одного из первых писателей-коммунистов на Западе, славного сына американского народа и верного друга молодой Советской республики.

Каждый, кто читал «10 дней, которые потрясли мир», не мог не восхищаться огромной энергией Рида, который жил в революционном Петрограде почти столь же напряженной жизнью, как и те, кто совершал революцию. Он проводил долгие ночные часы в Смольном, следил за агонией Временного правительства в Зимнем дворце, ездил на заводы и в воинские части, выступал с приветствиями и речами на митингах, сидел с карандашом в руках на совещаниях и съездах, где большевики вели ожесточенную борьбу с контрреволюционными партиями.

Блокноты отражают эту кипучую деятельность Рида в форме репортерской канвы событий, перемежаемой записями о встречах и интервью, именами, адресами, номерами телефонов, мгновенными зарисовками, цифровыми подсчетами при голосовании.

Протокольные записи или развернутые куски репортажа перебиваются тремя-четырьмя строками, написанными где-нибудь наискосок или в конце страницы и дающими неожиданно острое ощущение непосредственного участия в описываемых событиях.

«Завтра в шесть часов вечера. Коллонтай. Патронный завод. Тихвинская. Трамвай № 9».

Это договоренность поехать на шедший за большевиками Петроградский патронный завод вместе с А. М. Коллонтай. Запись относится к предоктябрьским дням.

«Два пулемета у входа, по одному с каждой стороны двери. Красная гвардия, солдаты, матросы. Английский и американский офицеры пытаются проникнуть внутрь. Строжайшая охрана. Форма входных пропусков меняется каждые три-четыре часа».

Это Смольный в решающие дни.

«Помещение батальонного комитета. Завтрак. Общий бак с супом, 6 или 8 ложек. Бак с кашей. По ломтю хлеба. Ко мне — сердечное отношение. Смех, шутки».

Это Рид в 6-м запасном саперном батальоне накануне выезда на фронт к Царскому Селу, где большевистские части и отряды Красной гвардии громят войска Керенского.

Рид приехал в Россию, не зная ни слова по-русски. На одном из ранних блокнотных листков — русский алфавит; сверху над каждой буквой по-английски обозначено ее произношение; далее первые слова по-русски, печатными буквами: **Иван Рид.** Однако с каждым новым днем русские слова все более проникают в записи Рида. Это и бытовые, разговорные ladno (ладно), korosho (хорошо), nitchevo (ничего), eto vierno (это верно), услышанные на улице, на заводе, в казарме, и обширная политическая лексика, не переводимая на английский язык, названия партий и государственных учреждений, ходовые политические термины и лозунги, с которыми Рид очень быстро осваивается. Желая запомнить лозунг на плакате, он передает его в записи наполовину русскими, наполовину английскими словами: «Da strastvujet Proletarian Victory!» (Да здравствует победа пролетариата!).

В предисловии к русскому изданию «10 дней, которые потрясли мир» Н. К. Крупская писала:

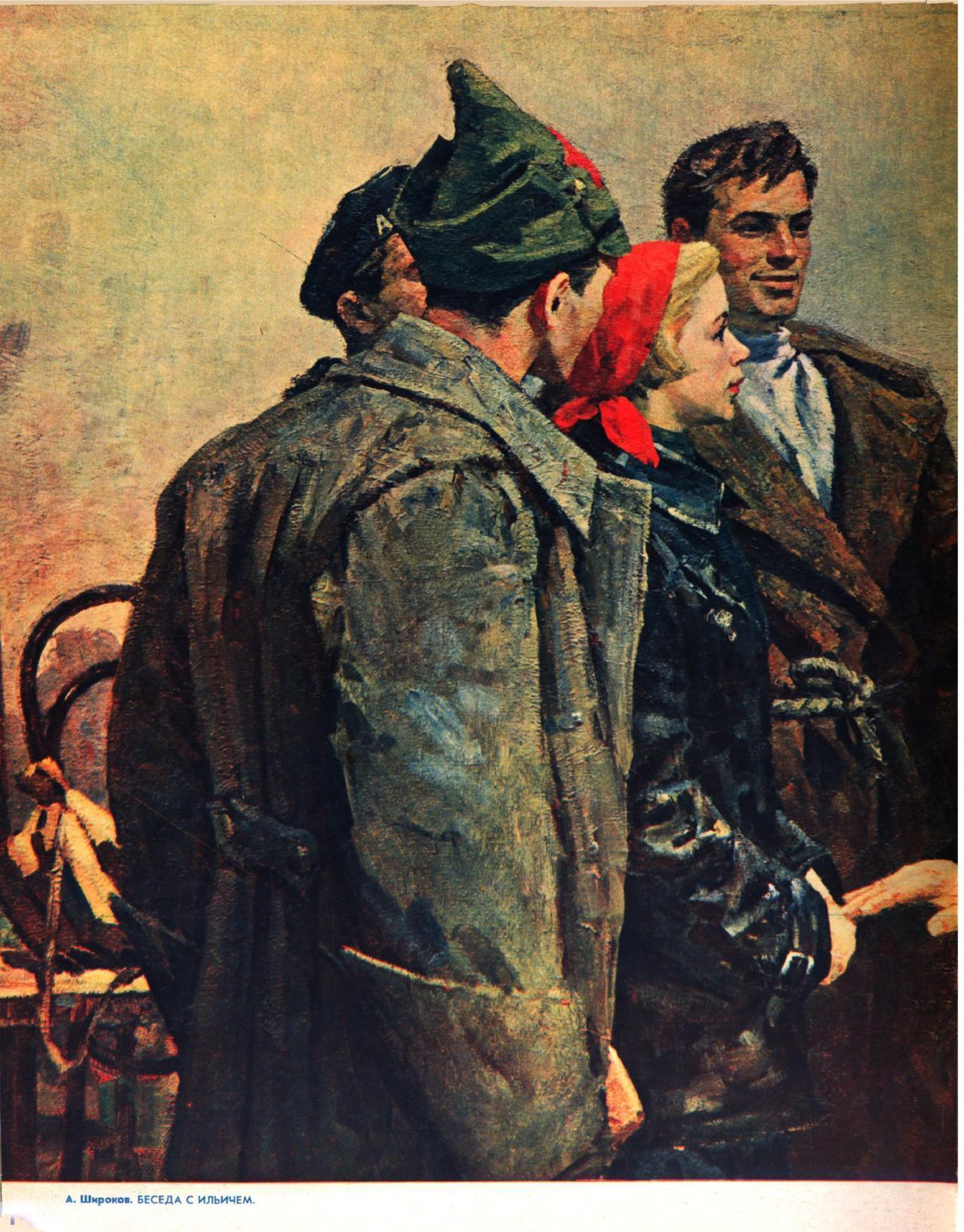
«Джон Рид не был равнодушным наблюдателем, он был страстным революционером, коммунистом, понимавшим смысл событий, смысл великой борьбы. Это понимание дало ему ту остроту зрения, без которой нельзя было бы написать такой книги».

Без сомнения, это было так, и Рид обрел эту остроту зрения именно в революционном Петрограде. Можно с уверенностью сказать, что в сентябре — октябре 1917 года, закалившись в горниле большевистской революции, этот молодой американский журналист прошел «ускоренным порядком» такую школу революционной теории и революционной борьбы, о какой, находясь в довольно отсталом американском социалистическом движении, он не мог даже и помышлять. Листая блокноты Рида и одновременно страницы его знаменитой книги, буквально видишь мужание его и рост как революционера. Читавшие «10 дней, которые потрясли мир» знают, что Рид, описывая решающие дни перед Октябрьским переворотом, останавливается на штрейкбрехерстве Зиновьева, Каменева и других, пытавшихся препятствовать решению ЦК большевиков о вооруженном восстании. Вопрос этот освещен в книге лишь частично: Рид, естественно, не имел доступа на подпольные заседания большевистского руководства, где обсуждался и решался вопрос о восстании, и вынужден был довольствоваться неполными и неточными сведениями, которые к нему доходили. «Рязанов и Каменев возражали против восстания и испытали на себе всю страшную силу ленинской полемики»,— пишет он. В правоте Ленина Рид не сомневался ни минуты. Теперь видно, что его приверженность к ленинской линии вырабатывалась и подкреплялась серьезной, вдумчивой работой. В одном из октябрьских блокнотов Рида на 11 страницах подробно законспектирована первая часть статьи Ленина «Письмо к товарищам», напечатанная 19 октября (по старому стилю) в большевистском «Рабочем пути» (в записи ошибочно выставлено: 18 октября). Рид дословно приводит аргументацию Ленина против штрейкбрехеров.

Вероятно, сохранились не все блокноты Рида, легшие в основу «10 дней, которые потрясли мир». Некоторые разделы книги не отражены в блокнотных записях или же лишь слегка затронуты. С другой стороны, имеются строки и страницы, целиком вошедшие в книгу или же составившие твердую основу для тех или иных эпизодов, описаний, характеристик. Интересно и поучительно следить, в каких случаях Рида удовлетворяет прямая репортерская запись, а в каких он творчески дорабатывает, расширяет по памяти, обобщает сцену или эпизод.

Но и когда он сокращает материал, не вошедшие в книгу блокнотные записи представляют значительный интерес для читателя как дополнения или комментарий к напечатанному тексту. Вот записи и заметки, дополняющие очень сжатое описание митинга на Обуховском заводе во 2-й главе «10 дней, которые потрясли мир». В блокноте указан день митинга — 8 октября. Описан путь на завод, где Рид до того ни разу не был. «Выборгская сторона. Мили и мили низких деревянных строений. Жилые дома, фабрики, хибарки. Нищета, грязь. Паровички. Тротуары сперва по левой стороне улицы, потом по правой, чтобы ни одна не оста-

П. Сулименко. МАТРОСЫ ОКТЯБРЯ.

А. Широков. БЕСЕДА С ИЛЬИЧЕМ.

ТЫ

М. Антончик. ПРАЗДНИК В СЕЛЕ МОРИНЦЫ (ОТКРЫТИЕ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ).

лась в обиде. Высокие церкви. Лавра». Дальше записано, что митинг продолжался пять часов, и все это время многотысячная толпа рабочих стояла на ногах, внимательно слушая ораторов. Рид отмечает реакцию аудитории: «одобрительные крики», «гром приветствий», «угрожающий ропот». О выступавшем на митинге с резкой критикой Временного правительства члене заводского комитета Петровском сказано, что он в эмиграции, под фамилией Нельсон, принимал участие в американском рабочем движении, что он пользуется у обуховцев авторитетом. Из блокнота мы узнаем, что сам Рид и бывший с ним Альберт Рис Вильямс тоже выступали на митинге. Следующая запись — «Провокационные разговоры о «большевистском Левиафане» в «Новой жизни». Статья Ленина в «Рабочем пути», призывающая перейти от слов к делу», относится, как видно, к одному из выступлений большевистских ораторов. Под конец описано возвращение с митинга в машине по Шлиссельбургскому проспекту и яростная речь едущего вместе с Ридом солдата-фронтовика, который кричит, бешено взмахивая руками: «Почему американские рабочие допустили, чтобы Америка вступила в войну и затянула ее? Почему они не поднимутся и не помогут нам покончить с войной? Да разве это не ужас, что русские революционеры гибнут, наша революция захлебывается кровью, а братья наши, те, для которых мы боремся, и пальцем не хотят шевельнуть?!.»

Особо следует сказать о записях, хронологически продолжающих «10 дней, которые потрясли мир». Как известно, книга Рида заканчивается речью Ленина по аграрному вопросу на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов и триумфальным открытием объединенного заседания ВЦИК и Крестьянского съезда под руководством большевиков в ночь на 29 ноября 1917 года. Однако Рид уехал в США лишь через два с лишним месяца, в начале февраля 1918 года. Он с напряженным вниманием следил за первыми шагами Советской власти, по-прежнему глубоко входя в жизнь и внося посильную помощь как журналист. Он присутствовал на бесславном Учредительном собрании. Он выступал на Третьем Всероссийском съезде Советов. Некоторые впечатления Рида за эти месяцы тоже получили отражение в его блокнотах.

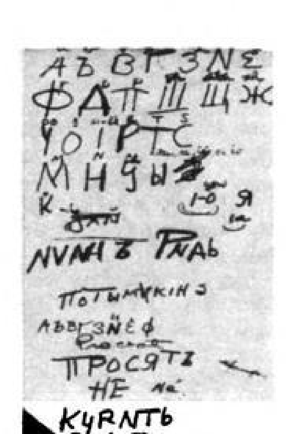
Важное место в русских блокнотах Рида занимают записи, относящиеся к его пребыванию в Советской России в 1919—1920 годах, уже будучи коммунистом. Они сохранились частично. Наиболее обширны заметки Рида, сделанные в декабре 1919 — январе 1920 года, во время поездок из Москвы; он хотел познакомиться с практикой советского строительства за пределами больших городов. Рид едет в Серпухов, в Клин, в Карачарово, в первые совхозы и сельскохозяйственные коммуны, встречается с коммунистами и представителями Советской власти на местах, с рабочими-активистами и беспартийными крестьянами, посещает собрания и митинги, обсуждает продовольственные и политические трудности. Однажды он записал содержание агитационной пьесы, поставленной самодеятельными артистами в деревенском Народном доме.

Свои записи о поездке в Серпухов Рид использовал в корреспонденции «Советская Россия сегодня», которую послал в нью-йоркский «Либерейтор». Вторая статья под тем же заглавием появилась в «Либерейторе» посмертно в январе 1921 года; как видно, ее привезла с собой вернувшаяся в США Луиза Брайант. Статья кончается так: «В зимний мороз, в самую тяжелую пору самой трудной зимы, какую переживала Советская Россия, я выехал из Москвы, чтобы поглядеть, как идут дела в провинциальных городах и деревне. Там, сравнительно далеко от столицы, я увидел, что советский строй глубоко вошел в жизнь народа, что новый общественный порядок стал уже привычным и само собою разумеющимся. Для примера я расскажу, что я увидел в Клину, главном городе Клинского уезда, где заседает уездный совет...» Дальше следует примечание редакции: «Рукопись, полученная нами, обрывается на этом слове». Рид не успел дописать статью. В блокнотах сохранилось много фактических заметок и цифр, касающихся Клина и клинских деревень. К сожалению, они уже не могут быть претворены в блистательную, пронизанную революционной мыслью публицистику Рида.

Во всем, что делал и писал Рид в этот приезд в Советскую Россию, сказывается все та же отличавшая его изумительная энергия, соединенная с горячим желанием узнать как можно больше — и непременно из первоисточника — о жизни советского народа. Свои наблюдения он всегда проверяет, беседуя с руководителями Советского государства, с рядовыми советскими гражданами, подчас с противниками Советской власти. Многие вопросы он выясняет не только для себя, но и для того, чтобы осветить их в иностранной печати, точно и правильно информировать рабочий класс и передовую интеллигенцию на Западе о ходе пролетарской революции, развеять клеветнические слухи, распространяемые врагами Советской России. Он записывает истинные факты деятельности возглавляемой Дзержинским Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, изучает систему продовольственного снабжения, особо отмечает заботу советских органов о здоровье детей.

Вот ветхий листок из блокнота, исписанный Ридом во всех направлениях,— как видно, памятка, составленная на обратном пути в Москву после одной из поездок в провинцию. Приводим некоторые из записей:

«По приезде в Москву:
Увидеться с Коллонтай,

Русский алфавит и первые русские слова.

Запись о Ленине (приведена в тексте).

С Луначарским.
С Устиновым.
С Мартовым.
С Лариным.
Поехать в деревню с...

Сколько человек казнено по приговорам Чека?

Кто из левых эсеров работал в Чрезвычайной комиссии?

Кто высокопоставленный церковник, отлучивший от церкви генерала Деникина?

Увидеться с Дзержинским».

И на оборотной стороне того же листка:

«Мальчик в Губисполкоме. Минков.»

Достать книгу «Москва в 1917».— Изд. в Москве в 1919 году.

Книгу о Крупской о просвещении».

К тем же зимним месяцам 1919—1920 годов относится запись о Ленине, сделанная Ридом на каком-то заседании в Москве. Ленин неудержимо притягивает Рида как великий политический руководитель и как глубоко симпатичный ему человек. В «10 днях, которые потрясли мир» Ленин показан в дни Октябрьского переворота, и Рид подчеркивает волевые черты его характера. Сейчас он с очевидным удовольствием рисует Ленина в более спокойной обстановке.

«ЛЕНИН. Веселый. Облокачивался на трибуну. Закладывал ногу за ногу. Руки в карманах. Несколько раз посмеивался во время речи. Шутил. Жестикулировал более обычного».

Следует неумелый рисунок Рида, изображающий руки Ленина, какой-то понравившийся Риду ленинский жест. Далее приписка: «одна рука в кармане, другая сжата в кулак».

Русские блокноты должны быть внимательно прочитаны. Это неотъемлемая часть идейного и творческого наследия Джона Рида.

Верность жизни

В этом номере «Огонька» мы знакомим читателей с тремя украинскими художниками.

Наш корреспондент побывал у них в мастерских.

Стены были сплошь увешаны многочисленными этюдами и зарисовками, а на трех мольбертах стояли начатые картины.

— Это все ваши работы? — спросил я хозяина мастерской Петра Степановича Сулименко.

— Нет, тут представлена вся наша семья. Вот работа моей жены, тоже художницы, Зинаиды Ильиничны Зацепиной. Мы вместе с ней учились в Киевском художественном институте. Теперь там же учится наш сын — третий мольберт его. У нас с женой, как видите, разные пристрастия: ее влечет детская тематика, ну, а моя стихия — море.

Привязанность Петра Степановича к морю давняя. Подростком окончил он ФЗУ речного транспорта, готовился стать рулевым, но изменил профессии, а морю остался верен. Его дипломная работа была посвящена севастопольским матросам.

Не раз участвовал художник в дальних морских походах, плавал от Риги до Владивостока, путешествовал по Средиземному морю, побывал в Африке. Знакомство с миром, естественно, расширило горизонты художника, отточило мастерство, углубило видение жизни. Он увлеченно и много работает, и его картины на выставках всегда находят почитателей.

В 1963 году Петр Степанович Сулименко пишет одну из лучших своих картин — «Матросы Октября». На фоне озаренного революцией петроградского неба два матроса читают ленинский Декрет о мире. Колоритны фигуры матросов, впечатляюща композиция картины.

Алексей Александрович Широков украинским художником стал недавно. Он жил и учился в Ленинграде, здесь же встретил войну. Полк, в котором он служил радистом, стоял под Пулковом. На фронте погиб его отец, не пережила блокады мать.

Широкова влекут темы психологические. Он любит писать портреты, многофигурные композиции. Несколько месяцев прожил художник в Осетии, у пастухов. Присматривался к жизни этих мужественных, сердечных людей, а вернувшись в Киев, создал картину «Чабаны», а затем «Геолог».

Мечта написать картину о Ленине родилась у Широкова еще в довоенном Ленинграде.

Долго не решался художник осуществить заветное. В 1958 году приступил к работе. Картину «Беседа с Ильичем», которую мы печатаем на вкладке, Широков закончил в прошлом году. Она находится в Киевском музее Ленина.

Тема творчества Михаила Владиславовича Антончика — современная украинская деревня.

Правда, его дипломная работа по окончании Киевского художественного института «Встреча посланцев русского народа», которая сразу же привлекла внимание, посвящена 300-летию воссоединения Украины с Россией. Сейчас картина эта подарена Большому театру Союза ССР.

Антончик обращается к украинской деревне. Интересны его работы «Утро», «Лена», рисующие колхозниц наших дней. Он едет в село Моринцы — родину великого украинского кобзаря Тараса Шевченко — и в соавторстве с художником Д. Шостаком пишет людей современного села Моринцы.

Шевченковское село и его замечательные люди настолько сильно завладевают сердцем художника, что вскоре он приезжает туда надолго. Так родилась картина «Праздник в селе Моринцы». Мастерски владея формой, цветописью, автор создает сочное, мажорное произведение.

Я. ЯКОВЛЕВ

ЧЕТВЕРО НА ГОЛОМ ОСТРОВЕ

ПОВЕСТЬ

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Подойдя к палатке, Витька с замиранием сердца прислушался, о чем идет разговор. Неужели об этой же шхуне? Нет, Станислав рассказывал шефу о повадках морских ежей, азартно и со вкусом рисовал образ жизни кишечнополостных...

«Не был он на шхуне,— облегченно решил Витька и тут же наморщил лоб, задумался.— А если он не был, то кто же тогда был?.. Фу ты, ерундовина какая! Ну ничего, сейчас все расскажу, сообща разберемся».

Первое, что он увидел, когда глаза немного привыкли к темноте, были все те же «кикуши» в сочно раскрашенных банках, лежащие рядом на спальном мешке Юрия Викентьевича. От волнения Витька даже не сосчитал, сколько их там лежало.

— Ну чего глаза вытаращил? — добродушно-важно сказал Станислав.— Каковы пузанчики, а?.. Цитрусы! Солнце! Лимонные корки... Ха! «Гастроном» на острове Эн.

Он воркующе, со всхлипами засмеялся, а глаза, обычно глядящие жестко, были как-то сладостно умаслены.

— Живем, Виктор,— пробасил Юрий Викентьевич.— Пока живем. Станислав каким-то чудом обнаружил здесь натуральную японскую шхуну. Беда, что нас мало, а то бы мы ее залатали и столкнули на воду...

У Юрия Викентьевича поднялось, нет, не поднялось, а подскочило настроение.

Еще бы! Егорчик — и тот вон щурится на банки, как мышь на крупу. Томится в предвкушении. Злясь и от этого страдая, Витька молча полез в рюкзак, с трудом извлек оттуда банку с компотом и бросил в общую кучу. Она тупо звякнула.

Юрий Викентьевич исподлобья на него посмотрел.

Егорчик напряженно облизнул губы.

Станислав от неожиданности приподнялся на цыпочки.

— Ты был на т о й шхуне?

— Я был там еще ранним утром,— сказал Витька.— Я там был раньше вас!

— Ну да,— ухмыльнулся Станислав.— Я, правда, не настаиваю на первооткрывательстве, но чем ты это докажешь?

— Ничем,— сказал Витька. Да и в самом деле, чем бы он мог доказать эту свою невинную ложь? Ничем.— Да, ничем,— вдруг ожесточился он,—потому что там уже была свежевскрытая банка точно такого же компота. Не дальше, чем за час до меня, кто-то на шхуне уже похозяйничал.

— Гм... Это я... Это я, так сказать, по праву первооткрывателя.

— Вбили заявочный столб, да?

Станислав повернулся к шефу, как бы ища у него поддержки.

— Что ж, это понятно,— снисходительно согласился Юрий Викентьевич.— Первым все достается в первую очередь. И лавровые венки и материальные поощрения за физические издержки.

— А я не догадался,— с наигранной обидой, но внутренне отвердев, проговорил Витька.— Я ведь тоже сразу-то, сгоряча, посчитал себя не в т о р ы м. Но мне и в голову не стукнуло, что можно в счет этого кое-чем попользоваться. Что можно выпить втихаря банку компота...

— Брось дурака валять! — резко сказал Станислав.— Имей в конце концов соображение, о чем мелешь!

Витька осекся и поскучнел. Пыхтя, стащил сапоги, прилег на свой мешок.

— Остальные я спрятал там под камнями,— тускло сказал он.— Я спрятал их от того человека, который опорожнил банку компота. Я испугался, что он придет и заберет все остальные. Я же не знал, что это Станислав.

Юрий Викентьевич осторожно покашлял и пополз к выходу. Сердито посапывая, выбрался вслед за ним и Станислав.

Витька лежал, закинув руки за голову, и ни о чем не думал. Какой-то он был весь опустошенный. Осталась от него только оболочка.

Он был обидчив. Он, конечно, обиделся. Но он и возмутился.

Где-то около костра Юрий Викентьевич чуть не упал, наверное, споткнулся либо о ящик с жженым клеймом «Станислав», либо о бочку с таким же горелым личным знаком.

— Черт бы подрал эти частнособственнические инстинкты! — воскликнул он с непроизвольно прорвавшимся наружу негодованием; его тоже донимали то эгоизм Станислава, то нерасторопность Егорчика.

Там, у костра, Станислав пожаловался шефу на Витьку.

Витька не мог спокойно слышать Юрия Викентьевича: верный своей натуре, тот говорил, не повышая голоса. Зато Станислав выбрасывал слова резко, будто швырял их пращой, как булыжники.

— Раздул кадило... В конце концов ему уже восемнадцать лет... Он должен отвечать за свои слова.

Юрий Викентьевич что-то сказал.

— Ну да,— возразил Станислав,— он книжек начитался.

Юрий Викентьевич еще что-то сказал.

— Он должен чувствовать благодарность за то, что мы для него сделали...— упрямо отвечал Станислав — ...что мы для него делаем.

Видимо, Юрию Викентьевичу надоело пререкаться со Станиславом, и он отошел от костра, так, что в палатку явственно донеслись его последние слова:

— Мы для него делаем сейчас столько же, сколько он для нас. Пожалуй, он даже коекого превосходит активностью, но не считает это за особую свою заслугу. Вот что меня в нем радует!

Витька ощутил, как горячо защипало у него глаза, и повернулся спиной к Егорчику: не хватало еще, чтобы тот увидел его слезы. И вообще Витька даже не помнил, когда плакал.

Поворочавшись с боку на бок, Витька тоже вылез наружу: жалко дрыхнуть в палатке, когда на берегу полыхает такой огонь.

Юрий Викентьевич и Станислав, обсуждая поведение Витьки, скорее всего ни к какому выводу не пришли: оба сидели надутые и красные.

Юрий Викентьевич кипятил в кружке воду: собирался бриться. Он не был таким чистюлей, как Станислав, который даже здесь брился каждый день, но раз в недельку считал необходимым привести себя в божеский вид— для примера отряду.

— Лучшие лезвия — «Жиллет»,— сказал Юрий Викентьевич.—Действительно великолепные лезвия, кабы знать, купил бы больше. Ах, если бы знать, что плавание наше непредвиденно затянется!

— Ох-хо-хо! — покряхтел Станислав, поднимаясь.—Вы становитесь суесловным, шеф. Пойду-ка я пришью пуговицу на брюках. Кстати, когда начнем пить компот?

— В особо торжественных случаях,— сказал Юрий Викентьевич, и стало ясно, что на компот, обнаруженный Станиславом и Витькой, отныне наложено вето.— Изредка будем добавлять в чай.

Вскоре Витька опять наведался на шхуну, взял несколько мотков сизальского троса, срастил их, вышло, пожалуй, метров сто — больше, чем нужно. И захватил еще горстку вонючего риса.

В лагере к серой грязной крупе поочередно принюхивались и смущенно отходили прочь, зажимая носы. Зато Юрий Викентьевич, человек феноменально небрезгливый, понюхав крупу раз, два и три, неожиданно скаламбурил:

— А что? Рискуя всем, риску я съем!

Витька рассудительно сказал:

— Да нет, Юрий Викентьевич, не испытывайте судьбу. Дождемся вот лучше печенки.— И он выразительно раскрутил над головой петлю сизальского троса.— Ну, так проберемся теперь на лежбище?

У Юрия Викентьевича повеселели глаза.

— Виктор! — сказал он прочувствованно и с пафосом.— Вашей неутомимостью и хваткой восхищен весь остров!

— Да ладно,— смутился Витька.— Вот если бы я без веревки на лежбище проник! А с веревкой и дурак сумеет.

Был отлив. Слегка просвечивало солнце. Камни на лежбище, скользкие и ненадежные, лоснящиеся глянцем и замшелостью, иной раз казались не отличимыми от греющихся на припеке сивучей.

А настоящие сивучи, грузно-неповоротливые на суше, поражали грацией и красотой, чуть только добирались до воды. Сивучи фокусничали и изгибались, как дельфины, и можно было подумать, что не иначе как они намеренно позируют, стараются создать о себе самое выгодное впечатление.

Станислав между тем не терял времени даром, в руках у него попеременно появлялись то карандаш с блокнотом, то фотоаппарат.

Витька впервые в жизни попал на лежбище и передвигался по нему не без опаски, что вот вдруг рявкнет над ухом какой-нибудь шальной лев. Он не зря ожидал здесь какой-нибудь каверзы. Пока Станислав увлекался общими планами лежбища, в какую-то долю минуты

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43, 44, 45.

под мелодичный стрекот выдержки его любимого «Практисикса» Витька заметил, что с уступа скалы на увлекшегося фотографа сваливается безобразный сивуч.

Сивуч был перепуган и уже не рассчитывал остаться в безопасности наверху, хотя, пока он лежал неподвижно, его никто и не видел. Сейчас он прямиком сваливался на Станислава, тормозя по шероховатому скальному ребру ластами, сползая юзом, и уже ничто не смогло бы остановить эту тысячекилограммовую тушу.

Витька что-то крикнул и рванулся к Станиславу, толкнул его... Станислав упал. Объектив бесценного «Практисикса» сухо хрястнул и вмялся внутрь камеры. На «Практисиксе» можно было поставить крест.

Зато сивуч пролетел мимо, его туша так шмякнулась о тупые камни, что, наверное, и печенки оборвались. Но, полежав секунду-другую, зверь неуклюже-тяжело оперся на ласты и заковылял к воде.

Станислав скривился и потер бок. С недоумением и болью смотрел он на исковерканный фотоаппарат. Правда, у него был еще один — «Экзакта», но сознание этого отнюдь не умаляло его досады.

— Р-растяпа! — проговорил он дрожащим голосом.— Какую камеру погубил!

— Я же не хотел губить камеру,—тоже дрожащим голосом отозвался Витька.— Вы бы посмотрели, какая лепеха сверху на вас падала...

Юрий Викентьевич угрюмо сказал:

— Ситуация напоминает мне известную басню об испорченной медвежьей шкуре.

Получив поддержку, Витька воспрянул духом и уже не без витиеватости добавил:

— Перед лицом злого рока, постигшего нас на этой позабытой всеми земле, какое значение имеет ваш «Практисикс»? Может, нас ждет здесь голодная смерть, может...

Витька запнулся, почувствовав молчаливое неодобрение Юрия Викентьевича. Шеф не терпел пустопорожних слов о серьезных вещах. Тем более в такой драматической обстановке. Правда, он не упрекнул Витьку, а только проговорил, в зародыше гася надвигающийся скандал:

— Бросьте вы эти штучки. Как петухи. Что вам действительно «Практисикс», Станислав? Если бы этот сивуч шлепнулся вам на голову, возможно, вы бы уже ни о чем на свете не жалели.

— Поразительно, шеф, до чего вы всегда правы! — воскликнул Станислав, поеживаясь и все еще потирая бок, ушибленный при падении.— Временами даже тошно становится от вашей правоты.

Витька чувствовал, что влюбляется в Юрия Викентьевича; правда, иногда он его отталкивал монотонностью поведения, но все чаще привлекал. Тогда как Станислав все чаще вызывал у него обиду, а то и озлобление. Ну, почему он никогда не принимает всерьез Витькиных слов или замечаний, смотрит на него, как на мальчишку, которым можно только помыкать?..

Витька начинал понимать, что в часто прорывающемся раздражении Станислава, в его наскоках на всех и вся, кто его окружает, виновата, вероятно, и так называемая к о н ъ ю н к т у р а — совокупность неутешительных обстоятельств.

Но, если трезво рассудить, кому охота сидеть здесь сложа руки и уповать на погоду? Юрию Викентьевичу время так же дорого, как и Станиславу, однако он не дает воли своим эмоциям.

— Миша,— повернулся Юрий Викентьевич к стоявшему поодаль Егорчику; тот был настолько безучастен, что даже не жевал смолу.— Этот ваш карабин с мушкой, которую вы сделали из спички...

— Из гвоздика,— простуженно отозвался Егорчик.

— Тем лучше. Но он достаточно пристрелян?

— Стрелял по птичкам. Не попал ни разу.

— Гм...— Шеф почесал кончик длинного носа.— Но ведь сивуч — мишень покрупнее?

— В сивуча, в него можно прямой наводкой,— вставил Станислав.— К нему подойти — и пинай его как хошь...

Он говорил небрежно, почему-то не проявляя обычной нетерпимости, когда дело касалось убийства животного. Не то чтобы он был вегетарианец, но любил потолковать о хорошем отношении к зверью. Сейчас же он просто-напросто отощал. Какая уж тут нетерпимость! Станиславу до смерти хотелось мяса.

— Ну, что же, Миша, нужно убить сивуча,— грустно сказал шеф.— Э, нам очень нужна печенка! Она, вероятно, содержит какой-нибудь особо полезный витамин. И вообще... Ну, так вы возьметесь?

Егорчик качнул головой в знак согласия.

Почти все сивучи плавали в воде, и только на отдаленном мысу лежала парочка, которой не коснулись возбуждение и суматоха на лежбище.

— Похоже, что спят,— сказал Станислав, наблюдая за неуклюже прыгающим с камня на камень Егорчиком.— Нужно сказать ему, чтобы он больше лежа старался... а то и тех спугнет.

Витька встрепенулся.

— Я пойду скажу. Посмотрю заодно, как он там будет управляться.

— Возьми нож.— У Станислава немного потеплел голос; вероятно, он уже смирился с потерей «Практисикса».— Помните, что всего мяса мы все равно не утащим, берите самое вкусное: сердце и печенку.

Однако Витька вскоре убедился, что лежа к сивучам не проберешься: везде в выемках рыжела сивучья моча, смешанная с водой. Но ее становилось тем меньше, чем ближе он подходил к Егорчику: тут уже все очищал прилив. Кстати, он должен был начаться с минуты на минуту.

— Давай теперь лежа,— сказал Витька.— А то заметят — уйдут.

— Хочешь выстрелить? — неожиданно остановился Егорчик.

— А ты?

— Да я что? Мне все равно. Могу выстрелить, а могу и сбоку посмотреть.

— Нет. Я только окуней да ершей на удочку ловил. А больше никого в жизни не убил.

— Утонченная натура, значит,— без осуждения заметил Егорчик.— Не переносишь убийства. Пацифист. Сноб.

Витька от изумления даже рот раскрыл: кто бы мог подумать, что Егорчик знает столько мудреных слов?!. А все молчит, сопит в две дырочки!

— Стрелять-то ты хоть умеешь?

— Давай сюда карабин,— сердито сказал Витька.— Ну? Умею или не умею, это мы сейчас посмотрим. Во всяком случае, будь этот карабин у меня, я бы постарался не сбить на нем мушку.

Ободрав бока и до костей промокнув в горько-соленых лужах, Витька подкрался к ближнему сивучу. Зверь лежал так близко, что по совету Станислава вернее было бы стрелять в него прямой наводкой, пренебрегая прицельным устройством и тем более мушкой из гвоздя.

Какую-то минуту или даже две Витька любовался сивучом. Тот лежал, этак мило-небрежно поджав под себя ласты и беспомощно обнажив розовую мягкость десен: нижняя губа под собственной тяжестью обвисла.

Внезапно сивуч проснулся, высоко задрал голову и лениво почесал ее задним ластом. Глаза у него были сладостно зажмурены. Его силуэт четко обрисовался на шлифованной черни моря. Удачный момент для выстрела!

Не давая себе расчувствоваться, Витька вскинул карабин на уровень носа сивуча и выстрелил, почти не целясь. У карабина оказалась отдача, как у орудийного ствола: от удара прикладом Витька едва не потерял сознание. Сгоряча он не ощутил, что на плече ободрана кожа. Откровенно говоря, он никогда не стрелял из боевого оружия. Из мелкокалиберки — другое дело.

Сивуч дернулся и застыл; он так и не открыл глаз, тягостно привыкая к новому ощущению, вдруг возникшему внутри, удивляясь непривычной боли, хлынувшей в голову, и тому, как горячо и влажно стало во рту.

Сжавшись, Витька выстрелил еще два раза, только после этого голова зверя рухнула на гладкую плиту и все тело его оплыло, стало студенисто-расползшимся, как бы бескостным...

Витька отдал Егорчику нож, тихо прислонил к туше сивуча ружье и ушел, не оглядываясь: пусть вырезает печенку...

В лагере запахло из кастрюль приятно и будоражаще. Печенка получилась очень нежной, вкусной, как у молоденькой телки. Правда, сваренное для пробы мясо было черновато, припахивало рыбой, но при нужде за милую душу пошло бы и оно. Жаль, что не хватало соли. А то заготовить бы впрок!

Витька в многочисленных закутках на шхуне нагреб несколько горстей серой, как мусор, смешанной с пылью и чешуей соли, ее надо было беречь пуще всего на свете.

В лагере стало шумно. Если бы существовал термометр, способный измерить жизненный тонус, то сегодня его ртутный столбик стремительно подскочил бы по шкале до самых верхних делений. Начались всякие такие необязательные разговорчики, подшучивания, заблистали и скрестились остроты.

На Станислава тоже повлияла сытная еда. Он стал доступней и проще.

Витька посмотрел на него вот уж действительно «и с ненавистью и с любовью». Прожевывая печенку, вдруг вспомнил роскошные чаи, которые пивал не раз в доме Станислава. О, чаепитие у Станислава превращалось в колдовское действо, в культ тонких вкусовых ощущений. В этом доме презирали грубое насыщение. Станислав терпеть не мог обжор (может, потому он особенно невзлюбил Егорчика).

Чай у Станислава подавали в деревянных чашках с хохломской росписью: они не обжигали рта, и от них приятно пахло не каленой глиной, а соками земли, так пахнет сухое сено. Чай был почти всегда зеленый и тоже припахивал душистым сеном, очень тонко, очень неуловимо. Сахаром почти не пользовались: на столе стояла искусно сплетенная корзинка с орехами, курагой, клюквой в сладкой пудре, финиками и конфетами — все вперемешку...

Как далеко Витька сейчас от всего этого!

И что ему сейчас, в сущности говоря, Станислав!

Сейчас они находятся в положении, когда на авторитеты уже не обращаешь внимания,

когда что-то значат не прошлые заслуги и чины, не красивые слова, а скрытые ценности, некая, как говорит Юрий Викентьевич, константа, постоянная величина, называемая человечностью, совестью, добротой, мужеством.

Но нет, что там ни говори, Станислав по-прежнему был для него притягателен. Потому что в Витькину жизнь ни Веласкес, ни Лукас Кранах, ни безвестный чукча-косторез не вошли бы так интимно, доверительно, запросто, как вошли они благодаря знакомству с соседом — популярным спортсменом и художником.

А вот Юрий Викентьевич, он наелся печенки и цитирует какого-то дряхлого Тютчева. Он смешон со своим Тютчевым! Хотя, быть может, смешон сам Витька: и ему всенепременно следовало бы знать Тютчева и Фета, потому что и он ведь способен чувствовать их поэзию, стоит ему только постараться вникнуть в ее музыкальный строй, в ее философию!

Да, да, конечно. Он согласен. Он вообще тупица и кретин.

Когда же Витька вот так сразу, мгновенно возненавидел Станислава, когда прострекотал секундами тот миг?.. Это случилось здесь, на острове, совсем недавно, когда Станислав так гадко сказал про «биологиню» с журнальной обложки...

Словам Станислава не хотелось верить, но все-таки Витька сознавал, что тот говорит правду.

Ему бы еще тогда встать и сказать Станиславу: «Ах, какой вы негодяй, что же вы здесь наклеветали, вы же мне в душу плюнули»,— но он не встал и не сказал, с одной стороны, потому, что Станислав не совсем-таки был негодяем, кто его знает, какие у него были взаимоотношения со злополучной биологиней, а с другой — он ждал, что обязательно произнесет какие-то уничтожающе-гневные слова Юрий Викентьевич.

И Юрий Викентьевич действительно отхлестал Станислава, и тот поначалу возмутился, а потом начал смеяться — неискренне, слишком громко...

Да, было, было... С тех пор что-то как бы надорвалось в той веревочке, которая связывала Витьку и Станислава еще с московских времен, и вот-вот уже эта веревочка должна была с треском порваться. Если не появится у них обоих желание ссучить ее и просмолить, как дратву: чтобы на сей раз прочно, с гарантией...

А действительно ли Витька любил маленькую, с черным вороновым крылом Веру? Сейчас, с огромного расстояния, Витьке казалось, что Вера была простовата: любила танцы, и кино, и сливочный пломбир, конечно, а в общем, пожалуй, даже книжек не читала, кроме тех, что по программе.

О нет, ему и тогда нравились другие девушки. Но с ней по крайней мере не было никаких сложностей. Отношения установились между ними свойские и немного детские, если правду говорить. Совсем еще детские...

Однажды ему показалось, что он полюбил с первого взгляда. Витька увидел в трамвае девушку в белых туфельках на низком каблуке, правая, пожалуй, немного была тесна. Она села, чуть только ей уступили место, и слегка освободила ногу. Витька считал, что туфли у нее надеты на босу ногу, настолько чулки были тонки и бесцветны, но теперь он заметил черную пятку. Витька перевел взгляд выше, на зеленоватое, с начесом и крупными белыми пуговицами простецки-модное пальтецо. Доподлинно приковывало внимание лицо девушки — задорное, мальчишеское и в то же время по-женски усталое. Волосы, как бы небрежно обкарнанные ножницами, взлохматило у нее ветром. Строгие стекла очков без оправы увеличивали тени под глазами. И вообще она была худощавая. С этаким милым утиным носом. И с потешной ямочкой на подбородке.

Если бы Витька хоть немного знал ее, он наверняка бы заговорил, потому что с ней, наверное, очень просто (этот смешной нос и вихры на макушке), но и очень интересно (эти вдумчивые глаза). Но и очень страшно, все же признался он себе. Потому что он полюбил ее.

Витька понял это, и хотя все его естество, вся молодая кровь и неподготовленный ум, начиненный литературой о взаимоотношениях старших, о любви, смутно ждали ее, бессознательно к ней тянулись, он, поникший и жалкий, сошел с трамвая, не доехав до нужной остановки. Просто он почувствовал, что девушка и старше, и умнее, и значительней его. И даже если бы Витька ее знал, она могла бы только снисходительно-ласково потрепать его по щеке, сказав: «Послушай, малыш, а ты очень мил...»

Но и яркий образ этой девушки с мальчишескими вихрами после речей Станислава затуманился.

Ну да, конечно, так оно и должно быть. Наверное, и такие речи должны ему прощаться. Ведь он герой. Ему все позволено. А герой ли он? Ведь от своего геройства он ищет выгоды именно для себя, а не для других.

Наверное, Витька судил излишне зло и в чем-то оставался несправедливым.

Витьку могло утешить, что и Юрий Викентьевич в чем-то завидовал Станиславу, а чего-то в нем активно не мог принять и оправдать. Юрий Викентьевич упрекал Станислава в самодовольстве и шутил, что истины, высказываемые им, непререкаемы, как статьи уголовного кодекса. Юрию Викентьевичу не нравилось и отношение Станислава к искусству, а ведь шеф, по-видимому, в этом тоже что-то соображал. Вспыльчивый Станислав оправдывал в искусстве только сдержанность, только лаконизм, а шеф, такой внешне спокойный, рассудительный, признавался, что ему по душе и пышная декламация, если она искренна, если она идет от высокой правды чувствований.

— В сущности, человек должен быть самим собою,— говаривал Юрий Викентьевич,— но он и не должен намеренно ограничивать свое зрение шорами, удерживать себя в рамках ложно понятой благопристойности. По-моему, нет ничего для человека страшнее, чем стать манекеном, всегда и всюду демонстрирующим одни и те же, сызмальства заученные повороты своего внешнего «я». По-моему так: есть чему переучиться — переучись.

Витька мог понять Юрия Викентьевича. Но и Станислав — он тоже мучился сомнениями, что-то рушилось в его взглядах на жизнь. Впервые он попал в обстоятельства, где, воздавая должное его заслугам, им, однако же, не любовались и требовали от него не пиротехнических эффектов, а будничного труда, без аплодисментов.

Станислав всегда выбирал компанию по своему вкусу и диктовал ей свои условия и свой образ жизни. Сейчас произошла осечка: компанию ему не то чтобы навязали, но по ряду причин он уже не мог быть в ней диктатором. Мало того, здесь довольно скоро распознали его минусы, его самовлюбленную сущность.

А может, все выглядело проще, может, Витька по молодости лет пытался усложнить самоочевидный, привычный порядок вещей в человеческом общежитии, будь то крошечный остров или город с многомиллионным населением?..

Ведь и впрямь жизнь в их маленьком коллективе худо-бедно текла себе да текла, правда, по неровному, глыбастому руслу. И в атмосфере, несколько затрудняющей дыхание, несколько влияющей на умы. Это тоже правда.

Правда, которая подтвердилась вечером того же дня. Станислав, благодушествуя и завидуя самому себе, тому, какой он был в молодости неотразимый и сильный, рассказывал о своих спортивных подвигах на кавказских высотных плато, где он блистал и где горящими глазами наблюдали за ним прекрасные девушки в расписных свитерах, тугощекие, мускулистые, белозубые — лед и пламень.

Юрий Викентьевич снисходительно его слушал.

— Но погодите, Станислав, ведь прыжок с трамплина для человека подготовленного, тренированного не высшая, скажем, доблесть. Конечно, стать прыгуном очень не просто. Я бы, наверное, не смог. Но если ты это можешь, мне кажется, вовсе не обязательно на все события в мире смотреть именно с этой точки зрения, с точки зрения удачливого прыгуна... свысока и неразборчиво.

— Ага! Мол, ты не осмелишься прыгнуть с трамплина,— поддакнул Витька.— Кишка, мол, тонка... А мне это запросто — раз плюнуть. Плюнуть и растереть.

— Щенок! — сказал Станислав, бледнея.

Витька вскочил с чурбана так, что тот покатился в сторону. Станислав был за костром. Витька подошел к огню, и языки пламени, как бы почуя порох его одежды, ресниц и волос, напряженно изогнулись. Напряженно и с дрожью зазвенел Витькин голос, вскидываясь и опадая, как это пламя:

— Нет, я не щенок! В мои годы умирали на фронте, бросались грудью на пулемет. Вы не смеете говорить о моем возрасте так безответственно! Кстати, вам было куда больше лет, чем мне, когда началась война. Но вы ее провели в тишине, берегли свое тренированное тело для послевоенных спортивных побед, для прыжков с трамплина...

Юрий Викентьевич, казалось, никак не реагировал на страстную тираду паренька. Он только прекратил на полуслове запись в полевом дневнике, раздумчиво прижал карандаш к губам.

— Точно так же сейчас вы бережете свой драгоценный спортивный организм от воздействия разных нежелательных факторов,— стремительно продолжал Витька, и никто в эту минуту не смог бы зажать ему рот,— во имя будущих побед над... над этими девушками... которые...

Станислав тяжело и туго, с усилием отпрянул — так сжимается пружина,— но тут же сел обратно на свою бочку, задержанный движением руки Юрия Викентьевича.

В руке шефа сухо хрустнул карандаш.

Станислав неподвижно смотрел на две бесполезные, не таящие никакой угрозы, остро сломавшиеся половинки; разумеется, не это его остановило.

Его остановили слова Юрия Викентьевича.

Шеф сказал:

— Однажды я чуть не убил человека.

— Каким же это манером?—без любопытства, по инерции спросил Станислав, еще клокоча и пыша жаром возмущения.

— Я был в оккупации под Можайском. Лет мне тогда было, вероятно, пятнадцать, если даже не меньше. Но сложение мое уже и тогда впечатляло. Жили мы вдвоем с матерью, отец мой, комбриг — я до сих пор помню этот ромб в петлицах,— расстрелян был в годы репрессий. Он преподавал в военной академии. Впрочем, я не о том... Так вот, однажды я шел откуда-то к своей деревне через опытное, как оно называлось еще до войны, хозяйство и прихватил необмолоченный сноп, решив, что для пропитания с него удастся вытрясти малую толику зерна. На беду, меня заметили, и из ближней избы выбежал бригадир — он работал бригадиром и до прихода немцев,— а с ним два солдата в касках, с автоматами. Бригадир вопит мне еще издали: «Ты что, такой-сякой, снопы воруешь, распустила вас Советская власть!»

Немцы тоже что-то кричали и уже готовы были стрелять. Я бросил сноп и ушел подальше от греха.

Черт меня попутал и вторично, уже когда немцев прогнали. На этом же самом опытном поле я вознамерился срубить на дрова усохшее дерево. Надо сказать, что мы с мамой были приезжими в этой деревне, эвакуированными, и жилось нам здесь без хозяйства туго. Ну вот, только я успел тюкнуть раза два топором по дереву, как откуда ни возьмись опять все тот же бригадир, а с ним агроном... Наверное, бригадир не узнал меня и как закричит: «А, туда-сюда, дерево рубишь, думаешь, это тебе при немцах?»

Ну тут я буквально задрожал от ярости, не знаю, что со мною стряслось. Замахнулся я на бригадира топором и рассек бы его к чертям собачьим надвое, если бы агроном не перехватил руку...

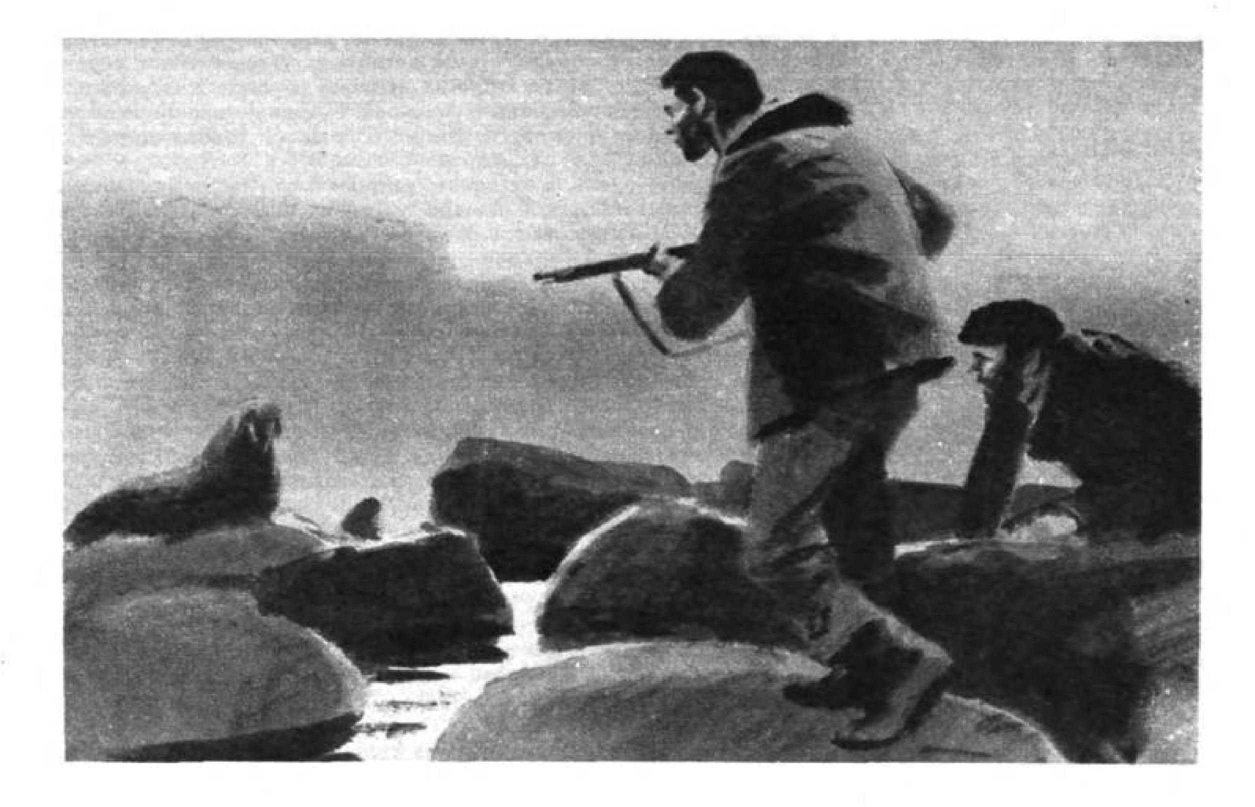
Стало тихо у костра. Стало очень тихо, только угли сипели, скрипуче пощелкивая и чадя. Наконец Станислав вымолвил, хрустнув сцепленными на затылке пальцами, потягиваясь, выходя из короткого оцепенения, навеянного рассказом Юрия Викентьевича.

— Назидательная притча. Она что, рассказана с неким умыслом?

— Не знаю. А впрочем, не бойтесь. Она без подтекста.— Юрий Викентьевич сунул огрызки сломанного карандаша в карман.— Мне просто удивительно и задним числом неловко, что, оказывается, я способен на такие «взрывы естества». Мне это чуждо, в общем-то...

— Гм...— недоверчиво помычал Станислав; он хотел что-то сказать, но не успел.

Витька хмуро, с каким-то сухим осадком в голосе пробормотал:

— Зря не тюкнули того бригадира. Он заслужил, и нужно было тюкнуть.

Юрий Викентьевич прищурил глаза, призадумался, как бы в самом деле решая про себя, не допустил ли он тогда оплошности, даровав жизнь такой гадине.

— Видите ли, Виктор,— медленно проговорил он,— человек должен быть выше этакого молодеческого разгула: захотел — тюкнул, не захотел — не тюкнул. Нужно держать себя в кулаке.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром Витька ушел жить на шхуну. Там вполне можно было оборудовать под жилье какой-нибудь закуток: кубрик или трюм. Конечно, сыровато, но он приспособил печку для жидкого топлива, которой пользовались японские рыбаки, под дрова. А дров хватало — начиная прежде всего с обломков самой шхуны. Вообще здесь был бы неплохой лагерь, ближе к холодам поневоле придется сюда перебазироваться.

Он представил, как, не дождавшись его к обеду и ужину, начнут в лагере беспокоиться. Как Станислав пренебрежительно скажет:

— Да он на шхуне, где же еще ему быть. Тоже мне Робинзон Крузо. Что он рассчитывает там найти?

А Юрий Викентьевич пожмет плечами и ответит что-нибудь необязательное, вроде:

— Между тем все эти банки-тряпки со шхуны — с потерпевшей шхуны, учтите! — они в его возрасте выглядят привлекательно, несут в себе, ну, что ли, элемент авантюризма, романтичности, воскрешают прочитанное в детстве у Стивенсона или еще у кого-то.

Юрий Викентьевич наверняка так скажет.

Станислав пробормочет:

— Э, времена флибустьеров, прятавших сокровища, давным-давно прошли.

...Может, такой разговор состоялся, а может, и нет.

Уже когда немного свечерело, Юрий Викентьевич пришел на шхуну сам.

— Я так и знал, что вы здесь.

— Нетрудно было догадаться,— буркнул Витька.

Юрий Викентьевич задел низкую притолоку двери.

— Увы, строилось с расчетом на низкорослых,— посетовал он и посмотрел в пробоину.— В общем, вы недурно устроились. С видом на море. И пейзаж приятный, чисто геологический.

Юрий Викентьевич не сразу нашел слова для беседы с этим, как он, наверное, считал, юным анархистом.

— Мне кажется, что вы не очень мудро поступили, предприняв такую... такую дипломатическую акцию, чуть ли не разрыв отношений.

— Может быть,— хмуро ответил Витька.— Но вы, разве вы не видите, каков он? Эгоист и позер!

— Разве? Кстати, если это так, вам нетрудно было бы удостовериться в этом еще раньше, в Москве, а?..— Юрий Викентьевич призадумался.— Хотя в Москве не та обстановка. Но мне лично не о Станиславе хотелось бы повести разговор. Взгляните-ка на этот фон, Виктор. На это угрюмое море, на непропуски. Это наш о б щ и й враг. Так вот, перед лицом этого общего врага мы должны быть едины, иначе нам... иначе нам т р у б а!

Он выделил голосом слово, чуждое его словарю.

— Вы думаете, у нас такое безвыходное положение? — тихо спросил Витька.

— Нет, почему же? Нас могут снять отсюда в любой час — случайно или в результате каких-то планомерных поисков. Боюсь только, что где-то уже найдены следы потерпевшей крушение шхуны и поиски решено прекратить. Что ж, резонно.— Юрий Викентьевич похлопал Витьку по плечу.— Я не умею заниматься утешениями, скорее я способен нагнать тоску, а?.. Но ведь вас не нужно утешать: вы человек уже достаточно крепкий, чтобы противостоять невзгодам. Короче говоря, мы должны быть готовы к худшему.

— Вы хотите, чтобы я возвратился в лагерь?

— Это не то слово. Вы о б я з а н ы возвратиться.

Плечи у Витьки сникли.

— Я слишком громко разговариваю, слишком громко смеюсь, и не так рублю дрова, и вообще я для него законченный тупица.

— Положим, это неправда,— мягко возразил Юрий Викентьевич.— Да, он привык читать нотации, это у него есть — что поделаешь — слава! Не у всех такие крепкие позвоночники, чтобы выдерживать тяжесть славы. Он резковат — что поделаешь, нервы, мы попали в основательную переделку, сдают нервы... Иногда они сдают и у спортсменов. Нужно быть терпимей к нему.

Витька пристально посмотрел на Юрия Викентьевича. У Витьки сухо блестели глаза.

— К нему быть терпимей! Пусть он идет ко всем чертям!

Юрий Викентьевич присел на койку. Наверное, его утомлял этот разговор.

— У нас общая платформа,— сказал он сдержанно,— поймите вы это. Не валяйте дурака. Самое последнее дело в нашем положении отвечать грубостью на грубость. В конце концов это недостойно мужчины — вести себя на манер базарной торговки.

— Это он в е д е т,— обескураженный изменившимся тоном Юрия Викентьевича пробормотал Витька.

— Вы ему не уступаете, к сожалению. Уж, во всяком случае, он старше, поищите в вашем багаже капельку элементарного уважения.

Витька молчал. Он не знал, какие тут говорить слова. Мысли его пришли в смятение, голос Юрия Викентьевича доходил до сознания уже заторможенно, приглушенно, сквозила в нем дружеская доверительность:

— Давайте так: будто вам тридцать шесть, а мне восемнадцать. Нет, давайте лучше отойдем от возраста вообще и посмотрим на вещи одними глазами, с одним и тем же, образно говоря, фокусным расстоянием. Так вот, Станислав обладает завидными познаниями, правда, он их почему-то не успел в жизни пристроить к делу, но это разговор другой. Он и опытней нас просто-напросто. Жизнеспособней. Наконец, чистосердечно посчитайте, Виктор, сколько Станислав сделал нам хорошего...

А Витька думал не о Станиславе, он думал о Юрии Викентьевиче. Он думал: разве такое уж благо — спокойствие, разве так уж нужно во всех случаях жизни стараться не повышать голоса? Как понять все это? Потому что Витька не хотел брать на веру все, что ему ни подсовывали в качестве оснастки для характера, любую снасть ему важно было испытать на прочность. А ну как не пригодится, а только помешает ему в будущей жизни?!. Юрий Викентьевич, конечно, славный, честный и справедливый человек, но то, что годится для него, может не подойти Витьке. Юрий Викентьевич, наверное, любит теплые и блеклые цвета, Витька же, напротив, яркие и злые. Тут он в чем-то сродни Станиславу.

Юрий Викентьевич добр, но при всей своей кажущейся умудренности он житейски беззащитен и раним. Эту беззащитность и ранимость он подсознательно угадывает и у других, у всех, с кем общается, даже у Станислава.

Сумеет ли Витька быть таким душевно добрым и деликатным? И нужно ли это ему? Годится ли доброта для всех случаев жизни? Этакий пацифизм внутреннего пользования? А? Ответьте Витьке, шеф! Ответьте!

Но Юрий Викентьевич приумолк. Он и так многое уже сказал. Пусть Витька переваривает. Пусть он все это усвоит.

Думай, Витька, был ли ты тогда прав. Был ли прав тогда Станислав. Думай...

Значит, Станислав плох? Тогда почему же Юрий Викентьевич ругает Витьку за неприязненное к Станиславу отношение? Где Станислав плох, а где хорош? Нужно разобраться.

— Ладно,— сказал Витька нехотя,— я вернусь в лагерь. Я все равно вернулся бы, даже если бы вы ничего не говорили, я же понимаю, в одиночку трудно. Только... Только вы идите, а я потом... я сам.

Глядя вслед Юрию Викентьевичу, в трудно объяснимой связи со всем тем, о чем тут недавно говорилось, он решил вдруг, что если случится худшее и придется помирать, Юрий Викентьевич умрет первым. На нем лежит ответственность. Она старит и гнет. Немного поразмыслив, Витька пришел к горькому выводу, что следом за шефом умрет и он. У него мало иммунитета против внешних раздражителей, не успел еще выработать жизнестойкости. А потом, может быть, придет черед Станислава. Вообще он достаточно тренирован и проживет долго.

Витьку поразило, что в его наивном распределении очередности, кому когда умирать, Егорчику неожиданно досталось последнее место. Что ж, рассудил Витька, он достаточно безличен. Безличен, а может быть, и подл. Кто его разберет! Такой будет грызть землю, а выживет.

Витька долго смотрел на удаляющегося Юрия Викентьевича, думая о нем тепло. Походить на него решительно во всем почему-то не хотелось, а все же стоило бы поучиться той сдержанности чувств, за которую Станислав ратовал в искусстве, но которой в жизни отличался как раз не он, а шеф.

Внезапно Витьке пришло в голову, что жена у Юрия Викентьевича должна быть рослая, с крепкой статью и толстыми русыми косами, собранными короной над высоким лбом, над синими глазами, глубокими и чистыми, как лесные озера,— вот такая жена, истинно русская красавица.

(Окончание следует.)

И ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ТВОЯ РОДИНА!

Родина... Как много заключено в этом слове для каждого сердца! И крик журавля над степной криницей, и ровный свет рукотворной звезды, и песня над днепровскою кручей, и противотанковые рвы Смоленщины, и штурмовые ночи Спасска...

У каждого человека — свое место рождения. Один появился на свет в столице, другой — в высокогорном селении на Памире, и каждому особенно милы его родные места. Но есть в стране такие уголки, которые равно дороги и священны для всех нас. Оттуда начинается наша великая Родина. Мы посетим их, чтобы еще раз испить из живых родников.

Первый поход—к Александру Сергеевичу Пушкину.

Болдинская ОСЕНЬ

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

1

Светло, прозрачно и тихо в осеннем саду. Под ногами шуршат опавшие листья. Винный, чуть горьковатый запах перебродившего сока исходит от них.

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса...

Я останавливаюсь перед старой дуплистой ветлой. Громадный, седой, морщинистый ствол ее причудливо перекручен. Наверху, среди еще не совсем оголенных веток, темнеют грачиные гнезда.

Влажно пахнуло ветром, раздался глухой деревянный скрип, будто отворяют ворота, и не сразу догадываешься, что это каким-то своим суставом скрипнула старуха ветла.

Говорят, что ей уже более ста пятидесяти лет. Современница Пушкина. Что перед этим век человеческий?..

От старой ветлы по дорожке, окаймленной кустами, выхожу к горбатому мостику, переброшенному через пруд. Темная, густая вода подернута ряской. Оранжевыми пятнами лежат на ней кленовые листья, похожие на обрубленные гусиные лапки.

С мостика виднеется угол деревянного дома, невысокое крыльцо с двумя опорами в виде колонн, белые наличники окон. А возле дома, и вокруг всего пруда, и еще дальше за ним—кусты и деревья в пылающем разноцветье осенних красок: то охристо-золотые, то оранжевые, то густо-багровые. И снова с пронзительной ясностью память высвечивает дивные строки: «В багрец и в золото одетые леса...»

Ведь именно здесь, в Болдине, родились эти пушкинские стихи.

Пушкин приехал сюда в начале сентября 1830 года. После суетной, шумной Москвы небольшое поместье, затерянное в дальнем краю Нижегородской губернии, обступило его тишиной.

«Ах, мой милый! — писал он отсюда Плетневу,— что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь, соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает».

Вчера и сегодня (через сто тридцать четыре года после той первой болдинской осени!) я обошел все комнаты его старого дома, весь сад, окружающий дом, и окрестности Болдина, а теперь пытаюсь представить, как жил он здесь тогда. Хотя бы один его день.

...По-деревенски рано отобедав, он велел оседлать коня и выехал из усадьбы в осеннее поле. Дул влажный, холодный ветер. Пушкин направился к роще, темневшей на взгорке. Рощу почему-то называли Лучинником. Росли там березы, молодые дубки и клены. За деревьями ветра почти не чувствовалось. Стояла чистая, хрустальная тишина. Он спешился, привязал коня, а сам пошел побродить, прислушиваясь к шороху увядшей листвы и глубоко, всей грудью, вдыхая густой горьковатый запах.

Потом, уже перед вечером, ехал обратно. Ветер стал холоднее и резче, прохватывал через толстое сукно сюртука. У ворот, передав лошадь подбежавшему конюху, Пушкин взбежал по ступенькам крыльца, прошел через темноватые сени, в передней снял сюртук, скинул забрызганные грязью сапоги и, сунув ноги в мягкие поярковые домашние туфли, через гостиную прошел к себе, в угловую комнату. Там загодя была протоплена печка, и он встал, прислонясь к ней спиной, чувствуя, как входит и растекается по всему телу блаженная теплота.

В окне догорал неяркий закат. Небо из розоватого становилось пепельно-серым. В комнате сгущались и беззвучно шевелились странные тени. Так же беззвучно вошел слуга, осторожно неся в руке тонкую свечечку, и зажег от нее толстую свечу на столе. Тени отступили в углы и за кресло. А Пушкин стоял как бы погруженный в забвение и чувствовал:

...Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем...

Он шагнул к столу, сел в кресло, поджав под себя правую ногу, и, глядя на колеблющееся пламя свечи, еще острее ощутил, как

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут...

Попозже в угловую опять заглянул его деревенский камердинер со своею заботой.

— Батюшка Александр Сергеевич, поужинать не изволите ли? Проголодались, небось. Али чайку подать?

Но Пушкин досадливо отмахнулся рукою, державшей перо: дескать, поди, не мешай! И долго еще в осенней густой темноте желтели светом окна угловой комнаты...

Возможно, все было не так, и это только плод моего бедного воображения. Возможно... Но это факт, что болдинская осень вошла в русскую литературу необыкновенным взлетом поэтического гения Пушкина. За несколько недель 1830 года, проведенных в деревне, им было написано более тридцати разных стихотворений, две главы «Евгения Онегина», «Домик в Коломне», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и прозой пять повестей Белкина. Пять повестей!

Позже сам Пушкин отмечал, что давно уже не писалось ему так, как той осенью в Болдине. Еще два раза — в 1833 и в 1834 годах, но опять-таки осенью — приезжал он сюда. Здесь писались сказки «О рыбаке и рыбке», «О мертвой царевне и семи богатырях», «Медный всадник» и «История Пугачева»...

2

Трудно, даже невозможно представить себе Россию без Пушкина. Как бы могло это быть, если бы с младенчества не носили мы в душе своей родниковую свежесть его стихов? Ну кто же на школьной еще скамье не повторял этих строк:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том...

А этих:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья...

Нет, мы можем представить себе Россию без Фаддея Булгарина, без графа Салиаса или Мережковского с Арцыбашевым — хоть бы и вовсе не было их! — но невозможно даже вообразить ее и самих себя без Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Льва Толстого, без тех великих и славных, которыми велика и прекрасна живая мысль российской земли.

У каждого из нас в паспорте обозначено место рождения. У одного это может быть столица, у других какая-нибудь деревня Бердяйка, которую не сыщешь даже на самой подробной карте, но каждому равно милы его родные места, и каждый, где бы он ни был, хранит в своей памяти что-то дорогое и близкое. То ли это дом в Москве, у Рогожской заставы, то ли узенькая, окаймленная сурепкой тропиночка к безвестной речке, петляющей среди кустов тальника. И сладко сердцу от этих воспоминаний.

Но есть в России места, столь же дорогие и близкие сердцу каждого, как и то единственное, где впервые увидел он небо и землю, где произнес свое первое слово «мама». Есть такие места!

Услышишь: «Ясная Поляна»,— и сразу возникает в памяти облик бородатого старика с мудрыми, живыми глазами, глубоко сидящими под опушкой мохнатых бровей. Или скажут: «Михайловское», «Болдино»,— и в воображении уже встает с детства знакомый образ поэта. А если случится в некий срок побывать в тех местах, волнение охватывает душу, как при свидании с милыми сердцу. Значит, и эти места тебе дороги, значит, и здесь начиналась она, твоя Родина...

Вот с таким чувством ехал я нынешней осенью в Болдино.

Сто тридцать четыре года назад Пушкин ехал туда из Москвы через Владимир, Судогду, Муром, через Арзамас, оттуда на Лукоянов, а уж из Лукоянова в самое Болдино. Ехал долго, на перекладных. Теперь так давно уж не ездят. Есть путь короче и легче: от Москвы с Казанского вокзала по железной дороге до Арзамаса, а от Арзамаса до Болдина сто с лишним километров на местном автобусе. Но я сначала попал не в Болдино, а в Починки, ставшие ныне центром колхозно-совхозного производственного управления, в зону которого входит и Болдинская округа. Из Починок же у меня оказались попутчики: сотрудник местной газеты «Сельская жизнь» Виктор Кулаков и молодая женщина Евгения Маевская, инструктор партийного комитета. Они болдинские и хорошо знают эти места.

За речкой Алатырь и за Ужовкой вдоль дороги еще желтели и пламенели осенней листвою леса, потом начались полевые просторы, то густо зеленеющие всходами озимых, то рыжеватые, уставленные высокими суслонами конопли, то черно-бурые после только что выкопанной картошки. Слева от дороги раскинулась деревенька, густо обсаженная рябиной.

— Об этой деревне в свое время Короленко писал,— сказала Маевская.— Есть у него книга «В голодный год». Страшно читать, в какой ужасной бедности жили тогда крестьяне.

Маевская и Кулаков, дополняя один другого, рассказывали о здешних колхозах, говорили о том, что хоть и засушливым было лето в этих местах, а все-таки урожай собрали приличный.

Но вот за холмом открылось и Болдино. Село раскинулось широко. С пушкинских времен оно, конечно же, изменилось, хотя особенным благоустройством похвалиться еще не может. Село как село.

В центре его сад и старый помещичий дом. Бывшая пушкинская усадьба. Хранителем ее стал народ. Я видел интересный документ: постановление общего собрания крестьян села Большое Болдино от 11 апреля 1918 года. Дабы увековечить память великого поэта, болдинские крестьяне решили «...данную усадьбу, на ней постройки, сад и при ней полевую землю взять на предохранительный учет и настоящий приговор представить на утверждение Губернского земельного отдела и Московского государственного народного банка и довести до сведения Нижегородского губернского отдела народного образования, каковых учреждений просим удовлетворить наше желание...»

Так сам народ, взяв власть, одной из первых своих забот поставил заботу о сохранении светлой памяти Пушкина. Долгое время в старом помещичьем доме помещалась школа крестьянской молодежи. Потом общеобразовательная средняя школа. Потом для школы построили новое здание, а старый дом реставрировали, и в 1949 году, ко дню 150-летия со дня рождения поэта, здесь был открыт Пушкинский музей-заповедник.

Об открытии и устройстве его хлопотали не столько знаменитые столичные пушкинисты, сколько сами болдинцы и в первую голову Филипп Ефимович Краско, местный краевед и историк.

Пушкинский дом, «на девять горниц с мезонином», рубленный из крепкого, будто окаменевшего дерева, стоит сразу за оградой усадьбы. Перед домом лиственница, как говорят, посаженная здесь самим Александром Сергеевичем осенью 1833 года. Когда-то над ней прошумел ураган, сломал верхушку, но дерево дало новые ветви, осталось живым.

Не очень богат болдинский дом-музей. Да и, собственно, пушкинской обстановки, то есть мебели или вещей, которыми пользовался поэт, сохранилось совсем немного. И все-таки, зайдя в него, испытываешь такое чувство, будто сам Александр Сергеевич незримо присутствует здесь. Так после долгой разлуки, переступив порог отчего дома, чувствуешь, как к горлу подступает какой-то соленый комок и учащеннее бьется сердце. Ты знаешь, что и родных здесь нет уже никого, а кажется, что вот сейчас тихо откроется дверь и старая мать выйдет тебе навстречу...

Директор музея Павлина Павловна Маевская (мать той самой Жени Маевской, которая была моей попутчицей в Болдино) или научный сотрудник Валентина Тимофеевна Чеснова, не торопясь, проведут вас по всем комнатам, заботливо обратят внимание на самое интересное, расскажут, напомнят. И уже давно знакомое предстанет перед вами яснее и многозначительней.

3

По воскресеньям в Болдине большой торг. С утра шумит базарная площадь. Торгуют всем: яблоками, медом, рогожами, шерстью, мясом, сметаной, ржаной и пшеничной мукой, обливными махотками и горшками, липовыми и дубовыми кадками, махоркой, конопляным маслом и репой.

В палатках сельпо и в местном универмаге — сапоги, пальто, галантерея, костюмы, ткани и телевизоры.

Народ толчется между прилавками и возами, смотрит, прицценивается, распоряжается: свешай, отмеряй, насыпь...

Но еще больше людей, чем на базар, приезжает в Болдино «к Пушкину». Вот и теперь пустовавший всю неделю Дом колхозника в субботу был забит до отказа. На улице перед усадьбой длинной чередой выстроились автобусы. Приехали две большие группы школьников из города Горького, бригада молодых работниц из Арзамаса, студенты из Саранска, металлисты из Кулебак.

Накануне в музее я перелистывал книгу отзывов. В ней оставили свои записи экскурсанты из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Варшавы, Будапешта, Софии и еще бог знает из каких далеких и близких мест.

В воскресенье у самого дома я встретил старушку лет восьмидесяти, морщинистую, в темном платочке, с дорожным посошком. Она оглядывалась вокруг и спрашивала:

— Здеся, что ли, музей-то? Меня-то пустят?

— Откуда ты, бабушка?

— Я, милый, дальняя, из Алтышева.

— Это где же такое?

— В Чувашах, за Алатырем. К дочери приехала, да вот и к Пушкину-то захотелось сходить.

И еще я видел девчонку, очевидно, приехавшую с группой городских экскурсантов. В светло-синих узеньких брючках, в желтой кофточке из синтетики, сидела она на ступеньках крыльца Пушкинского дома, а через плечо у нее на ремешке висел маленький транзистор, довольно громко распространявший вокруг кошачье мяуканье джаза. Девочка явно форсила: я вот-де какая — с музыкой.

Немолодая пара, видимо, муж и жена, остановилась, прислушалась, и женщина сказала с упреком:

— Зачем это? Люди к Пушкину пришли. Тут музей, а ты расселась со своим джазом.

— По глупости,— определил муж.

Молоденькая форсунья смутилась и выключила музыку...

Примкнув к одной из групп экскурсантов, я снова пошел по осеннему саду. От памятной старой ветлы прошли мы к беседке, носящей название «Уголок сказок», потом по мостику, мимо вязов, таких же старых, как ветла, направились в тот край усадьбы, где в пушкинские времена был расположен пчельник и, вероятно, стояла избушка пасечника, недалеко от которой сохранилась дерновая скамейка — любимое место отдыха Пушкина.

— Нерадостная картина вставала здесь перед взором поэта,— начала рассказывать сотрудница музея, но кто-то из экскурсантов уже перебил ее, напомнив пушкинские стихи:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса...

С дерновой скамьи, расположенной, как и вся пушкинская усадьба, на возвышенности, я видел крыши деревенских домов, пологий скат темнеющих черноземом полей, серое осеннее небо над ними. В душе с новой силой поднималось чувство близости к вечно живому Пушкину.

Попозже мои болдинские знакомые — Виктор Кулаков и пожилой филолог, приехавший сюда из Москвы погостить у родных,— пригласили меня пройтись из усадьбы в тот конец села, который называют здесь «колхозной стороной». Мы шли мимо нового двухэтажного здания школы имени Пушкина, мимо Дворца культуры, и уже за селом, в тополиной аллее, мне показали могильный холмик, давно заросший травой, а теперь густо осыпанный желтыми листьями.

— Здесь похоронен Яков Вострышев. Светлой души человек, организатор первого болдинского колхоза,— сказал филолог.— Он умер в начале тридцатых годов и завещал похоронить себя на колхозной усадьбе. Волю его исполнили. Если кто-нибудь из болдинцев, живущих теперь где-то в других местах, приезжает на родину, то уж непременно зайдет в Пушкинский музей и вот сюда, на могилу Вострышева.

Молча постояли мы здесь. С тополей осыпались желтые листья. Изредка проплывали в воздухе последние белые ниточки бабьего лета.

Сразу за могилой начинался яблоневый сад, темневший багряной листвой.

— Сад-то колхозный? — спросил я.

— Колхоза имени Пушкина. Но у нас его до сих пор называли вострышевским, потому что начало саду положено было при нем и первую яблоньку он сам посадил. Да разве только сад! Этот человек много доброго сделал, а доброе не забывается.

То, что узнал я о Якове Вострышеве, удивительным образом переплеталось с впечатлениями от заповедных пушкинских мест. Были какие-то незримые связи между поэзией Пушкина и жизнью дотоле неизвестного мне деревенского коммуниста. Я думал о том, что революция еще более сблизила людей с самым высоким и светлым в Пушкине.

В памяти моей опять возникали давным-давно знакомые строки:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Свет этих чувств виделся мне в бессмертии того, чем была наполнена и одухотворена жизнь деревенского революционера Якова Вострышева, и во всем новом, что возникало, делалось и прочно утверждалось вокруг...

Осенний день уже угасал. От ворот заповедника ушел последний автобус с экскурсантами. Над деревьями старого сада тревожно и громко шумели грачи. Стал накрапывать маленький дождик. В окнах Дома культуры зажглись огни.

Костры той ночи

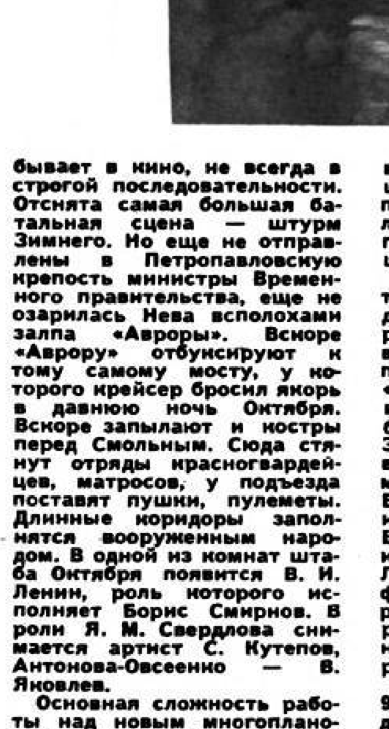

Осенний Ленинград 1964 года. Неожиданно исчезает поток автомашин на Кировском мосту, и со стороны Петропавловской крепости по мосту скачут во весь опор казаки на горячих лошадях. Навстречу звонкому цокоту копыт откуда-то несутся глухие винтовочные выстрелы, дробь пулеметных очередей.

По набережной Мойки, опоясанные патронташами, шагают матросы, рабочие-красногвардейцы. В гуще колонны — броневик. Реет алый стяг «Вся власть Советам!». А перед тускло освещенным затихшим Зимним дворцом штабеля дров. Дымки костров стелются над Мойкой, непривычно тускло горят старинные фонари...

Студия «Ленфильм» снимает цветную широкоформатную картину «Залп «Авроры». Постановщик фильма — Юрий Вышинский. Он же вместе с Борисом Лавреневым в свое время написал сценарий.

Съемка ведется до позднего вечера. И, как часто

бывает в кино, не всегда в строгой последовательности. Отснята самая большая батальная сцена — штурм Зимнего. Но еще не отправлены в Петропавловскую крепость министры Временного правительства, еще не озарилась Нева всполохами залпа «Авроры». Вскоре «Аврору» отбуксируют к тому самому мосту, у которого крейсер бросил якорь в давнюю ночь Октября. Вскоре запылают и костры перед Смольным. Сюда стянут отряды красногвардейцев, матросов, у подъезда поставят пушки, пулеметы. Длинные коридоры заполнятся вооруженным народом. В одной из комнат штаба Октября появится В. И. Ленин, роль которого исполняет Борис Смирнов. В роли Я. М. Свердлова снимается артист С. Кутепов, Антонова-Овсеенко — В. Яковлев.

Основная сложность работы над новым многоплановым фильмом — в строгой достоверности не только событий, но и натуры, реликвий. Многие годы Ю. Вышинский посвятил изучению подлинных документов тех лет и знакомству с местами, где развертывались революционные события.

У постановщика и у всей творческой группы много друзей, помощников, которых можно видеть в перерывах между съемками. На площади гремит матросское «Ура!», строчат пулеметы, вооруженные матросы и рабочие врываются в ворота Зимнего. И тут же, заметно волнуясь, стоит первый комиссар «Авроры» Александр Викторович Белышев, один из консультантов фильма. В фильме роль Белышева исполняет артист Кирилл Лавров. Кроме Белышева, фильм консультируют адмирал И. Байков, доктор исторических наук Г. Голиков, начальник музея на «Авроре» Б. Бурковский.

Фильм будет закончен к 95-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

К. ЧЕРЕВКОВ

ЮБИЛЕЙ ФИЛЬМА

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ «ЧАПАЕВУ».

Был один из серых, дождливых ленинградских дней, когда на стенах домов появились первые афиши, извещавшие о премьере фильма «Чапаев». Прохожие равнодушно скользили глазами по скромному анонсу и... шли мимо. Фамилии режиссеров Георгия и Сергея Васильевых, актеров ничего им не говорили. Через неделю люди уже часами выстаивали в огромных очередях, приезжали из деревень, дежурили ночами, все для того, чтобы посмотреть «Чапаева».

Прошло тридцать лет, но интерес к фильму остался прежним, как и в первые дни просмотров, волнующие страницы гражданской войны потрясают зрителей.

Мы попросили исполнителя роли Чапаева народного артиста РСФСР Бориса Бабочкина рассказать о создании картины.

— С Георгием Васильевым мы занимались вместе в студии Певцова. Георгий был красивый, изящный, всегда очень вежливый и спокойный. Сергей, его друг и товарищ по работе,— человек иного склада, он весь —огонь, движение, энергия.

Для первого чтения сценария мы собрались на квартире у Певцова. В тот же вечер было решено, что Чапаева играю я.

Создание образа шло медленно и трудно, необходимо было до конца понять строй мыслей, чувств моего героя, природу его характера. Помогало в работе то, что юность я провел в степях, где сражался Чапаев, видел людей, которые вместе с ним воевали. Чистая случайность, что не встретился с ним самим.

Я мог представить себе его в любом положении, в любых обстоятельствах. Вспоминаю, как возникла знаменитая сцена с картошкой. Мы были в экспедиции, сидели в избе и обсуждали, как будем снимать эпизод. Неожиданно вошла хозяйка и стала собирать ужин. Она поставила на стол чугунок и как раз при словах «Где должен быть командир?» одна картошка с большим уродливым наростом откатилась вперед. Мы продолжали работу. Но, когда на слова «А где будет неприятель?» она поставила банку с солеными огурцами, все захохотали. Потом уже в Ленинграде, где снимался этот эпизод, мы быстро восстановили эту сцену, подсказанную нам так неожиданно и остроумно, а главное, в характере Чапаева. Я очень люблю этот кусок в картине...

Прошло 30 лет, и фильм «Чапаев» вышел снова на экраны, снова мчится непобедимая красная конница, улыбается Анка, побеждает Чапаев. Снова, как прежде, искусство замечательных художников покоряет зрительный зал.

Н. ТАДЭ

ИДУТ разведчики

Евг. АНАНЬЕВ,
А. ГРИГОРЬЕВ,
Г. КОПОСОВ

С чего начинается геологический поиск? Ученый скажет: с научного прогноза. Разведчик ответит: с выхода в маршрут. Буровик-практик добавит: с первой скважины. Каждый из них посвоему прав. И все-таки геологический поиск начинается не с этого — с мечты! С мечты о том, как откроются людям новые богатства земных недр, как вырастут новые промыслы и города.

Наверное, так мечтал о сибирской нефти академик И. М. Губкин, предсказавший ее еще в тридцатые годы. Так мечтали первопроходцы сибирской тайги, высаживаясь на нелюдимые берега Оби, начиная бурить первые глубокие скважины, одолевая нехоженые болотные километры. Так мечтают и те, кто лишь недавно приехал обживать богатейший край.

Вот краткая хронология поисков нефти и газа в Западно-Сибирской низменности.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ. В Тюменскую область пришли геологоразведочные партии. Результатов все нет. Но геологи ищут, ищут. И верят.

1953 ГОД. Газовый фонтан в Березове. Есть первый промышленный газ Сибири!

1957 ГОД. Круг поисков расширяется. Рядом с Березовом открыты Аясовское, Тугиянское, Чуэльское, Игримское месторождения природного газа.

1960 ГОД. Нефтяной фонтан в Шаиме — первая промышленная нефть Сибири.

1961—1962 ГОДЫ. Нефтяные месторождения открываются одно за другим. Начато строительство газопровода Игрим—Серов, из Сибири на Урал.

1963 ГОД — юбилейный. В Заполярье, около поселка Тазовское,— рождение нового газоносного района.

1964 ГОД — знаменательный. В Тюменской области уже 21 газовое и 17 нефтяных месторождений. Первые сотни тысяч тонн тюменской нефти отправлены по Оби и Иртышу в Омск, на переработку. Строится нефтепровод Шаим—Тюмень, проектируется трубопровод Усть-Балык—Омск.

Мечта!.. Она рождается и в прокаленном морозами передвижном вагончике-балке и в строгой тиши лабораторий. Она близка и ветерану Александру Быстрицкому, лауреату Ленинской премии, первому начальнику Березовской разведки, и юному пареньку, только-только заступившему на вахту у заполярной буровой. Она залетела и в Башкирию и в Татарию — из «Второго Баку» едут в Тюмень сотни нефтяников, не без сожаления покидая освоенные ими же края. Они знают: «Третье Баку» остро нуждается в людях.

Буровая бригада Героя Социалистического Труда Ричарда Аллаярова прибыла в Усть-Балыкскую контору бурения полным составом. В дни, когда писался этот репортаж, бригада начала проходку своей первой скважины.

В гости к тюменцам приехали на пароходе по Оби председатель Сибирского отделения Академии наук СССР академик М. А. Лаврентьев, один из зачинателей «Второго Баку», Герой Социалистического Труда академик А. А. Трофимук, и многие крупные геологи. Впрочем, «в гости» — это не совсем точно. Ученые по-хозяйски обсуждали с руководителями области и производственниками перспективы нефтегазовой промышленности, намечали совместные направления работ.

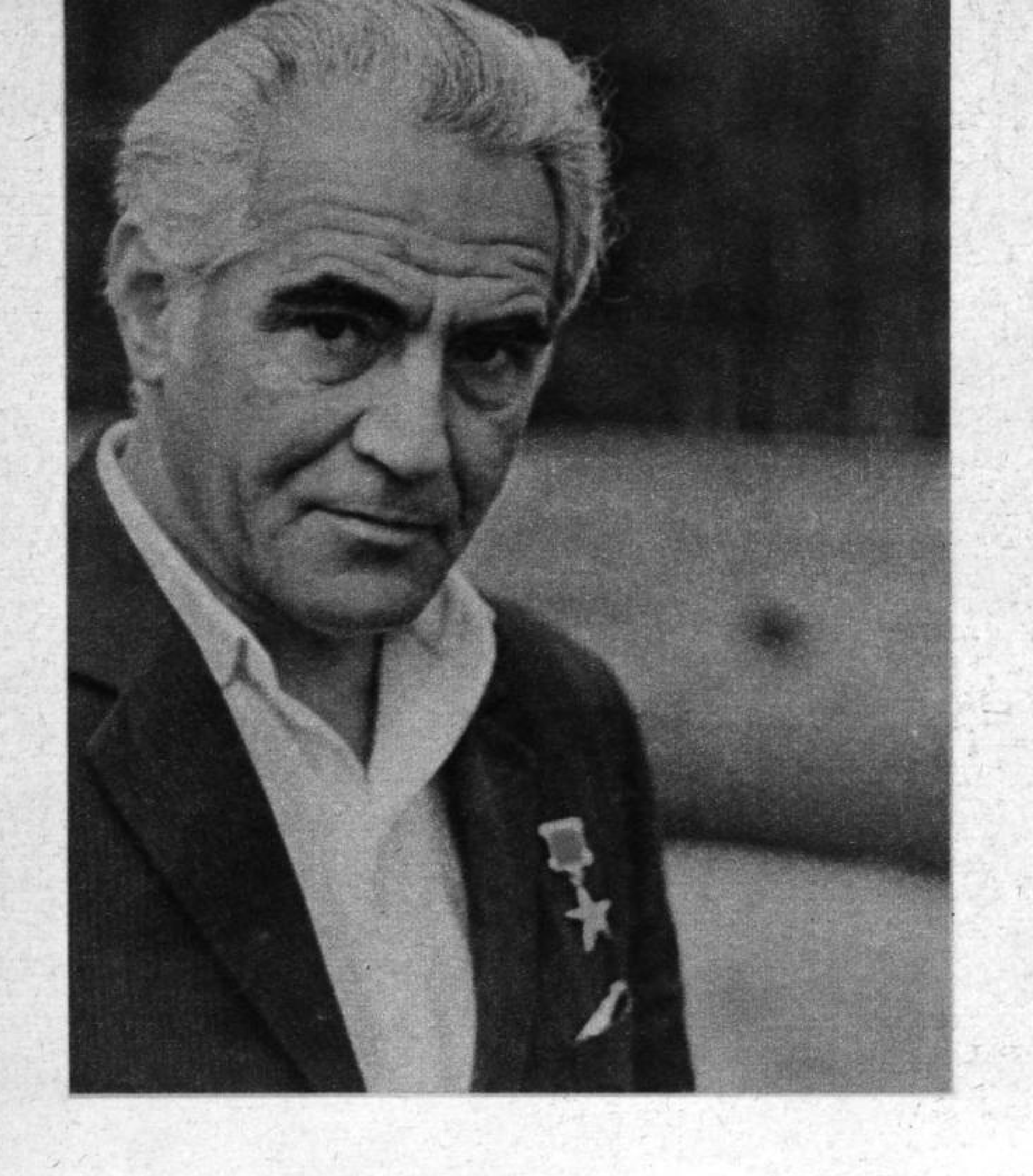
Сургут. Его «долголетию» могут позавидовать многие города России — ему исполнилось 370 лет. В 1593 году воеводы Барятинский и Аничков с войском из 155 «служилых людей» заложили здесь острог и город. Чем жил далекий Сургут в прошлом? Пушная торговля. Стычки с «инородцами». Ссылка. Кустарный рыбный промысел. После революции появились колхозы, рыбозаводы, леспромхозы. Но и в эти годы Сургут отставал от общего ритма страны.

Сейчас Сургут стал центром большого нефтяного района.

...Плывут по таежным рекам танкеры. Летят над тайгой вертолеты. Идут по тайге разведчики сибирской нефти. Их ведет мечта, та самая, которую мы, коммунисты, считаем началом всякого поиска.

«Миша» — так прозвали геологи вертолет «МИ-6».

Юрий Георгиевич Эрвье, начальник Тюменского геологического управления, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда.

Есть нефть! — этот снимок сделал в июле 1960 года Ю. Г. Эрвье.

ИСТОРИЯ ОДНОГО РЕПОРТАЖА

И у репортажа бывает своя судьба. Очерк или заметка, основанные на подлинных фактах, имеют подчас неожиданное продолжение.

Десять лет назад, в последнем декабрьском номере «Огонька» за 1954 год, появился мой репортаж «Мать и дочь нашли друг друга».

...В дни, когда проходил Второй съезд советских писателей, я увидел в Колонном зале писательницу Агнию Барто, необычайно взволнованную и возбужденную.

— Вот письмо из Караганды. Я получила его от женщины, потерявшей на фронте мужа... А потом и восьмилетнюю дочь. Она разыскивает свою девочку десятый год и не может найти...

Но при чем здесь писательница? Письмо матери отвечало на этот вопрос. Софья Ульяновна Гудьева работала в Доме инвалидов. Тамошняя библиотекарша прочитала ей однажды поэму А. Барто про детский дом в Звенигороде. Книжка так и называется — «Звенигород». В ней рассказано, какой заботой и теплом окружены дети, потерявшие близких.

Такой дом действительно был. И мать узнала, что была когда-то среди воспитанников дома Нина Гудьева. Но сейчас она уже взрослая, где живет, неизвестно. Мать Нины просила писательницу помочь ей в розысках дочери...

Так появился в «Огоньке» репортаж о чудесной встрече матери с Ниной, заодно и о работниках милиции, которые помогли им встретиться.

18-летняя Нина жила в украинском городе Умани, работала на швейной фабрике. Оттуда она и приехала к своей матери в Караганду. Местный фотограф запечатлел мать и дочь Гудьевых, когда почтальон вручил им поздравление от А. Барто. Снимок этот появился в журнале.

Теперь перенесемся в наши дни. 1964 год. Конец октября. В Караганде проводится декада русской литературы и искусства. Среди ее участников — Агния Барто. В своем выступлении, которое транслировалось по радио, она рассказала о судьбе Гудьевых, о том, как поэма «Звенигород» помогла матери обрести дочь.

— Где они обе сейчас, в Караганде ли? — интересовалась поэтесса.

И Агнию Барто пригласил навестить свою семью слесарь-машинист шахты № 35 Иосиф Иванович Котвицкий, муж Нины Гудьевой. В трехкомнатном домике по Коммунистической улице поэтессу встретили Софья Ульяновна, Нина с мужем и два их сына, Сережа и Валерик.

Когда 4-летний Сережа читал наизусть самому автору стихи про то, как уронили мишку на пол, радиорепортер подставил микрофон, а фоторепортер сделал снимок.

Не стану описывать встречу семьи с писательницей. Читатели легко представят себе все это сами.

Иосиф Иванович рассказал:

— Я служил в армии, когда попался мне на глаза журнал «Огонек» с заметкой о том, как помогали матери и дочери Гудьевым найти друг друга. Перед отъездом в Караганду — меня после демобилизации направили сюда по комсомольской путевке — положил я «Огонек» на дно чемодана. Шло время. Стал я комсоргом на шахте коммунистического труда, где поныне работаю, обжился в этом городе. Пришел ко мне однажды товарищ, увидел старый номер

Вся семья слушала рассказ гостьи — московской писательницы.

Устроившись на коленях мамы, Сережа читал Барто ее стихи.

«Огонька», прочитал заметку про Гудьевых и сказал:

«Эту Нину я знаю. Она вместе с моей женой работает на ткацко-трикотажной фабрике...» Он познакомил меня с Ниной. Вскоре мы поженились.

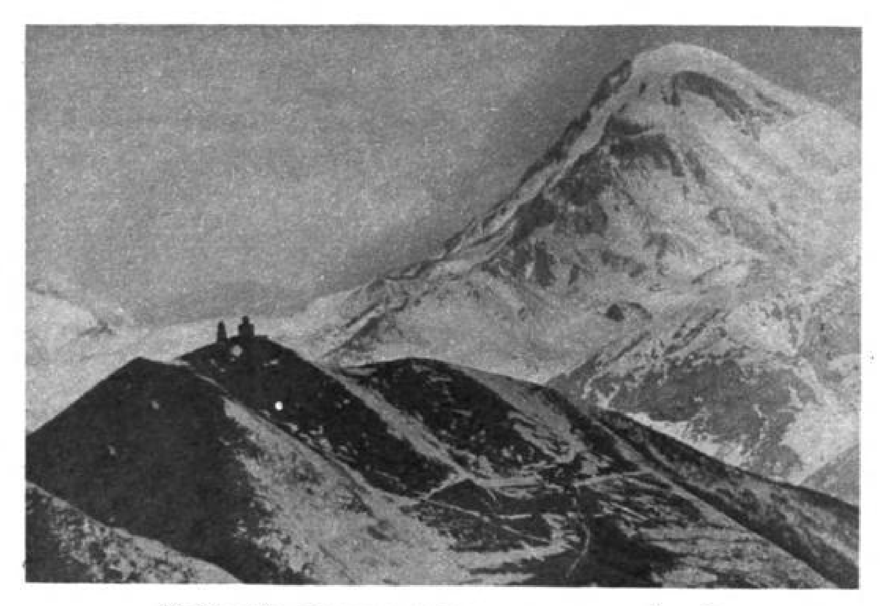
Иосиф Иванович подарил поэтессе сделанный им снимок сыновей. Младший, Валерий, сидит за рулем «персонального» авто.

Агния Барто, в свою очередь, преподнесла ребятам свои книжки с автографами и пообещала присылать каждое новое произведение.

На этом, пожалуй, сегодня можно завершить историю одного репортажа.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Фото А. Нугманова.

Казбек. На переднем плане — монастырь Самеба.
Фото Ш. Двали (Фотохроника ГрузТАГа).

Казбек отступает

Шаг за шагом сдает свои позиции перед человеком гордый Казбек. Недавно у его подножия проложили газовую трассу. А теперь люди готовят новые «козни»: на Казбек поднимется пассажирская воздушно-канатная дорога.

Дорога пройдет от села Казбеги над бурным Тереком и высокогорным селением Гергети до монастыря Самеба, который, говоря словами А. С. Пушкина, за облаками, как в небе реющий ковчег. Далее она протянется еще на полтора километра к источнику имени Ильи Чавчавадзе, к овеянной легендами пещере Бетлеми. Кстати, в этой неприступной пещере не так давно побывали советские альпинисты и обнаружили там следы давнего пребывания человека. Последний километровый отрезок дороги от пещеры пролажет на метеостанцию, откуда обычно начинается штурм Казбека.

В проектной организации Грузгипрошахт уже готовы рабочие чертежи 1-й очереди строительства. Казбекская канатка будет самой высокой в Грузии, горы которой уже опутаны пятнадцатью пассажирскими воздушными трассами. Верхняя станция Казбекской канатки станет на отметке 4 тысячи метров над уровнем моря.

И. МЕСХИ

НОВЫЕ ОГНИ ПОЛЕСЬЯ

Примерно на половине пути из Гомеля в Мозырь возле шоссе стоит столб с указателем: «Гаривода — 2 км».

— Много лет допытываюсь, откуда пришло такое название деревни, спрашиваю всех своих пассажиров, и никто до истины не добрался,— рассказывал гомельский шофер Анатолий Разночинцев.— Даже нынче, когда поблизости забили фонтаны нефти, геологи решительно утверждают, что на поверхность она никогда не могла выходить и что название деревни никак нельзя связывать с нефтью. Однако удачно кто-то окрестил деревушку...

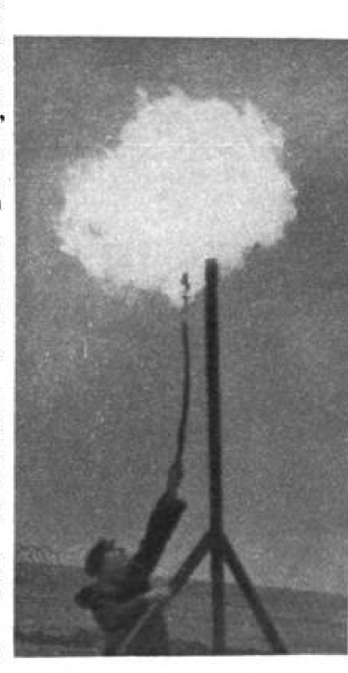
Да, сейчас малопривлекательный полесский пейзаж оживили буровые вышки, и свежевырытые котлованы заливает промышленная нефть. Только буровая номер восемь способна дать за год более 70 тысяч тонн «черного золота» с двухкилометровой глубины. А шестая еще больше...

Главное впереди. Однако и теперь ясно, что страна получила новый нефтеносный район, что по своим свойствам белорусская нефть относится к лучшим сортам и очень походит на бакинскую и что к 7 ноября Речицкий участок бурения пришел с великолепным подарком Родине.

Что ж, когда-то Белоруссия только потребляла привозные нефтепродукты. С рождением химического гиганта в Полоцке республика стала поставлять эти продукты на базе привозной нефти. И кто знает, может, не далек тот час, когда трудящиеся республики будут развивать химию, используя свою белорусскую нефть.

А пока загораются на Полесье один за другим новые огни газа — спутника белорусской нефти. Глухой болотный край освещается новым светом.

В. ПОНОМАРЕВ

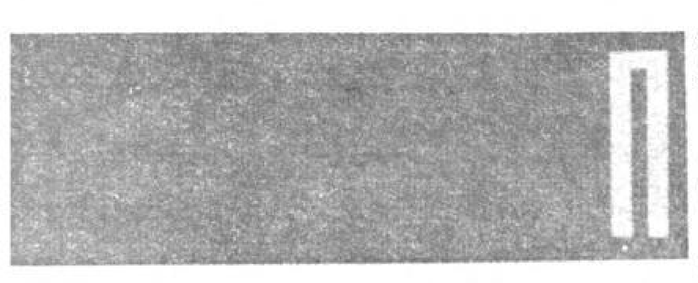
Нашим читателям

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Подходит к концу 1964 год. Работники редакции уже обдумывают планы номеров будущего года. Нам хочется, чтобы «Огонек» стал еще интереснее, еще ярче, еще теплее и ближе к вам, его читателям. Этому в огромной степени можете помочь вы, наши читатели.

Мы ждем от вас, дорогие друзья, советов. Напишите нам, какие рассказы, повести, очерки, репортажи и репродукции картин вам понравились (и не понравились) в 1964 году. О чем и о ком вы хотели бы прочитать на страницах журнала в будущем году, в какие места совершить путешествия вместе со специальными корреспондентами «Огонька», куда хотели бы направить объектив наших фотокорреспондентов.

Ждем ваших писем.

Поставленный скромно, без ухищрений, спектакль идет в Киеве почти год, а раздобыть билеты все еще трудно. Многие зрители смотрят «Киевскую тетрадь» в Театре имени Леси Украинки не первый раз, заново переживая события.

...Сухопарый эсэсовец галантно приподнимает занавес, и, шурша шелком, выбегает к рампе Кармен — кокетка и недотрога. Актриса обжигает зал дерзким взглядом, и по партеру, ложам проходит шепот одобрения; доволен даже сам шеф разведки СС! «Звезда» украинской оперы певица Закипная с очаровательной непосредственностью благодарит оккупантов за «новый порядок». Матерому фашисту невдомек, что приветственная речь певицы — сигнал подпольщиков. Он уже принят Большой землей за линией фронта, и оттуда в плененный Киев спешат связные.

...Безмолвный город скован горем. Лишь из квартиры оперной примадонны слышны аккорды гитары, пьяный смех. Разомлевшие от вина и цыганских романсов гости выбалтывают Раечке Закипной стратегические сведения, а тем временем с черного хода этой же квартиры уходят в партизанские леса переодетые советские воины.

...Разъезжаются от ворот «оппели», и в опустевшую квартиру осторожно поднимается руководитель подпольной группы. Поздно ночью из соседнего подъезда сюда же прибежит молодая светловолосая женщина с только что принятой по радио сводкой Совинформбюро. Назавтра эта сводка, размноженная на машинке, появится в городе рядом с приказами коменданта: «За слушание советских радиопередач — смерть».

Эпизод за эпизодом рассказывает об удивительной человеческой отваге. Так и хочется вместо «Киевской тетради» назвать спектакль «Киевской легендой». Но вот что самое замечательное: все показанное на сцене — быль.

В первые месяцы войны группа киевлян-патриотов проникла в логово гитлеровцев. С размахом, смело действовали подпольщики. Зачинщицей многих операций была молодая певица Раиса Николаевна Окипная. Она встречалась с опасностью так спокойно, что ее привыкли считать неуязвимой. Но, видимо, где-то рядом был провокатор: Окипную и чекиста Ивана Кудрю схватили гестаповцы. Вчерашние «меценаты», покровители искусства превратились в изощренных палачей. Певицу бросили в зловещую одиночку. Допрашивали Раю по особой, «усиленной» программе. Побои, шантаж, угрозы — все было пущено в ход. Ничего не добившись, фашисты казнили патриотов, тщательно скрыв обстоятельства их борьбы и гибели. Но забвение бессильно против правды. Документы, сохранившиеся в архивах, рассказали миллионам советских людей о подвиге во имя Родины. По этим документам писатель Вадим Собко написал, а режиссер Николай Соколов поставил «Киевскую тетрадь». Пройдя сквозь смерть, Раиса Окипная вернулась в свой театр. Она, наверное, так и сказала бы сейчас о Театре имени Леси Украинки: «Мой театр!» Ведь актриса-подпольщица именно на этой сцене, где сейчас идет посвященный ей спектакль, начала много лет назад свою жизнь, свою борьбу...

Каждый, кто знал Окипную, рассказывает о ней по-своему: яркая и сильная натура проявлялась многообразно. Но в одном согласны все: Раиса приносила людям добро деятельно и щедро с самой ранней юности. И как птица, она начинала день песней.

Актеры-киевляне, приехавшие однажды на гастроли в Чернигов, услышали Раины песни: арии из опер, революционные марши; украинский, немецкий, французский языки... «Сбегай узнай, кто же это так поет!» — не вытерпели артисты и послали к соседям молоденькую костюмершу. Стеша вскоре вернулась, и не одна. Девочка-смуглянка, стоя за спиной Стеши, зардевшись, подтвердила: «Я пела». Девочку засыпали вопросами. Оказалось, музыке нигде не учится, повторяет то, что услышала по радио либо в кино. Ее пригласили на спектакли — она пришла... Потом театр уехал. Настоящая встреча с ним была для Раи впереди.

В трагические тридцатые годы в жизнь певуньи вошла беда. Внезапно арестован и сослан отец. В глухое село уехала мать. Шестнадцатилетней Рае в Киеве известен один-единственный адрес — Театр имени Леси Украинки. Она верит: там друзья. Действительно, Стеша-костюмерша, встретив свою молоденькую гостью на вокзале, везет ее в свою комнатку: «Живи как дома!»

Театр в это время готовил «Таланты и поклонники». Требовались участники цыганского хора. Стеша отважно подошла к постановщику:

— Послушайте мою подругу!

А режиссер и сам уже приметил Раю. Темноглазая, порывистая. Типаж хорош. Но голос? Что скажет Н. Н. Кручинин, специально приглашенный для премьеры из Москвы?

— Превосходно!.. Просто редкое дарование.

Знаток цыганской песни, не колеблясь, поручил дебютантке сольный номер: Рая должна была петь «Величальную».

Теперь она приходит за кулисы каждое утро. Заглядывает к бутафорам, портным: «Может, вам помочь?» А порой притаится в ложе и следит за репетицией, а через час копирует всех исполнителей подряд.

— Рая молниеносно откликалась на каждый творческий призыв! — вспоминает Н. В. Питоев, партнер Окипной по первым спектаклям.— Как-то Кручинин, демонстрируя возможности гитары, заиграл арию Кармен. Раиса неожиданно запела. И как запела! Мы, молодые скептики, нарушив все правила репетиционной дисциплины, не удержались и устроили овацию.

Кстати, не от этого ли экспромта и ведет начало образ Кармен, ставший оружием подпольщицы Окипной! А как аплодировала Рае Л. Добржанская, игравшая в «Талантах и поклонниках» роль Негиной! Известная актриса была покорена голосом и темпераментом неопытной семнадцатилетней девочки.

— Учись! — настаивает Добржанская. Настаивают все в театре. И Рая начинает учиться. Сольфеджио, нотная грамота... С экзамена по вокалу бежит на «разовые» спектакли. После театра сидит ночь над конспектами. Трудно. Но если кто-то из товарищей заболел, Рая раньше всех прибежит с лекарством. И первая заменит в шефском концерте захворавшего. Такой неутомимой, деятельной запомнили Окипную и в Виннице — туда молодая певица приехала, получив диплом.

В жизни Рая была неизменна, на сцене же она перевоплощалась до неузнаваемости. Только одним и были похожи ее роли: в каждой ликует радость жизни, пылает огонь чувств. «Не актриса — бес!» — изумился, посмотрев «Запорожца за Дунаем», знаменитый украинский бас Донец, приехавший из Киева на гастроли. Вскоре Окипная узнала, что принята в труппу столичной украинской оперы.

Снова гостеприимная комнатка Стеши на Большой Подвальной. Ушла отсюда робкая девушка, вернулась же актриса, знающая свои силы, получившая признание. А сердце по-прежнему замирает от одного слова «театр». И ради искусства забывается все остальное.

Кто-то упомянул мимоходом: премьеру «Живого трупа» в драматическом театре задерживают цыганские сцены — не хватает певцов. Рая немедля отыскала В. Нелли: «Если не возражаете, я спою!»

Солистку оперы нисколько не смутила необходимость выйти на сцену в роли статистки. Песню «Не вечерняя» она готовила так же тщательно, как любую из своих партий. «Мне все хотелось попросить ее: «Спойте еще раз!» Любовь и тоска, мечта о счастье сливались в молодом голосе»,— много лет спустя вспоминал М. Ф. Романов — непревзойденный Федя Протасов.

Степанида Семеновна Тихончик — ветераны театра нет-нет да и назовут ее по старинке Стешей — ведает мужским гардеробом. Но среди гусарских мундиров и морских кителей в ее хозяйстве бережно сохраняется один женский костюм. Белая блузка, яркий кушак, пестрая юбка. Двадцать

Актриса Ольга Тальнишних и костюмерша Степанида Семеновна Тихончик.

Л. ВИРИНА

Фото Б. Львова.

Ничто не пр

А. К. Елизаров и его ученики — молодые киевские кинематографисты.

И правда, Тальнишних в роли Закипной похожа на Окипную.

четыре года назад надевала их Раиса Окипная, выходя на сцену в «Живом трупе». Костюм — реликвия. Его охотно показывают всем, но никому не разрешают надевать. Разве что Ольге Тальнишних, играющей в «Киевской тетради» главную роль.

Тальнишних молода. Роль Раи Закипной — киевской героини-подпольщицы — первая. Но игру Тальнишних тепло встретили зрители, хорошо оценила пресса. Актриса, однако, не свыкается с успехом. Волнуется по-прежнему, как и перед премьерой. И в вечер спектакля непременно заглянет в костюмерную:

— Пожалуйста, расскажите о Рае.

Снова Степанида Семеновна говорит о том, что живо в сердце. Вспоминает о молодости, безмятежной вопреки всему. Чаще — о тревогах, с которыми пришло возмужание, нашла выход юная отвага.

Когда смолкли улицы Киева, по которым еще вчера шли войска, кто-то первым произнес страшную догадку: окружение! И сейчас же все инстинктивно устремились от западных окраин ближе к центру, к Днепру. В Стешиной комнатушке сбилось несколько семей. На замке двери, захлопнуты рамы. Над замершим городом ползет судорожное ожидание. Взметнулся горестный вскрик: «Немцы! Танки!» Тогда Раиса стремительно распахнула окно и, стоя во весь рост на подоконнике, запела: «Широка страна моя родная...» Песня дышала силой, оттесняла страх...

При фашистском «новом порядке» люди избегали появляться на улицах. Вдвойне опасно это было для Стеши, получившей вызов

— Я Рая Окипная. Дежурная, из актива.

Она оказалась толковым проводником. Вместе с бойцами лейтенант быстро осмотрел чердаки, дворы, и в ветхом сарайчике, показанном Раей, под штабелями дров нашли оружие.

Еще не раз Елизаров давал своей сообразительной помощнице кое-какие поручения. А потом связь с ней прервалась: подразделение направили за Днепр.

Томительно тянулись дни в окопах.

На рассвете 19 сентября тревожно зазвенел полевой телефон: взорвать мосты! Коротко, как приговор, прозвучала страшная команда...

Тысячам людей, покинувшим Киев в последние дни обороны, памятен трагический путь: открытое Бориспольское шоссе, осенние ночи в топких болотах у Березани, шрапнель, вой пикирующих фашистских самолетов. Кольцо смерти смыкалось. Но Елизаров искал выход и думал о Раисе. Сообразительная, решительная... Конечно, он знал ее совсем мало, но верил: не подведет.

В одну из октябрьских ночей кто-то негромко постучал в форточку Раиной квартиры. На пол упал бумажный шарик: «Нахожусь в Дарнице, в лагере. Нужны свидетельство о нашем браке и справки о прописке. Жду, Алексей».

Утром Рая вместе с ярко одетой молодой блондинкой появилась в лагере.

Комендант, изумленный прекрасным немецким произношением женщин, бегло просмотрел документы с печатью домоуправления. Еще несколько дней спустя

Такой была Раиса Окипная в жизни.

оходит...

на биржу. Но мысли о Рае не давали покоя: перед самой войной к подружке вернулся больной отец; постарела, сгорбилась мать. Как Рая одна со стариками?!. А тут вдруг странные вести: Окипная живет в новой, просторной квартире, разъезжает в немецких машинах, объявлено ее выступление в «Кармен». Надо, надо повидаться! Закутавшись в старый платок, Стеша идет в театр. Рая встретила радостно, но на расспросы отвечала сдержанно:

— Будет время, все узнаешь подробно. Мы еще на славу заживем, Стешенька!..

А от биржи помогла освободиться.

Прошла война. Определилось многое, казавшееся неясным. Но как практически певица Раиса Окипная пришла в подполье? Даже для Степаниды Семеновны, ближе всех знавшей Раю, это осталось загадкой.

Летом первого военного года лейтенант госбезопасности Алексей Елизаров получил задание проверить район Сенного рынка. Именно оттуда «ракетчики» подавали сигналы фашистским самолетам. В домоуправлении на улице Чкалова навстречу лейтенанту поднялась девушка.

Алексей и его бойцы с «пассиршайнами» — пропусками к месту жительства — входили в Киев.

Над зданием оперы ветер рвал черные и желто-голубые флаги. С Крещатика несло гарью. Мерно отбивая шаг, двигались от угла к углу фашистские патрули. И все же это было не видением, а явью — мимо эсэсовцев не спеша, уверенно шел Иван Кудря — товарищ Елизарова по службе в Советской Армии. Только вид необычен — щегольские усики, вышитая сорочка, модная шляпа...

Оба ничем не выдали радости или замешательства. Сели на скамейку у памятника Шевченко. Набрасывая в блокноте очертания Кобзаря, Кудря рассказывал Алексею, что он, Иван, теперь деятель национальной культуры: изучает памятники зодчества и намерен подать на этот счет свои соображения оккупационным властям. А потом зашептал: положение тяжелое. Оружие, деньги, а главное — адреса явок, оставленные ему для организации подполья,— все погибло при отходе наших войск. Время действовать. Гитлеровцы созывают в опере националистический съезд. Неплохо бы их припугнуть. Необходимы люди, надежные, смелые. Где их взять?

Кудря еще не кончил, а Елизаров уже знал: они остаются в Киеве! Еще не открывшись другу, Алексей решил поговорить с Раисой, до конца выяснить ее настроение. А Раиса в тот же вечер повела разговор сама: всех актеров управа вызывает для регистрации. Может быть, явиться? Не поможет ли подполью служба в театре?

— Верно! Молодец,— одобрил Елизаров. И сразу дал задание: помочь ему проникнуть в здание оперы.

Алексей получил право входа за кулисы. Вместе с Окипной он осмотрел партер, ярусы, фойе. Доложив обо всем Кудре, открыл Рае характер и цель предстоящей операции: советские разведчики должны были незаметно поджечь запалы взрывчатки, заранее спрятанной в здании...

— Зачем взрывчатка? Дайте мне гранаты! Я сумею точно попасть в цель,— горячо предложила Рая.

— Не увлекайся. Бросаться на верную гибель ни к чему. Настоящая борьба впереди,— отрезвил ее Алексей.

За первый же месяц члены группы, собравшейся вокруг Кудри, добыли ротатор, установили связи с партизанами, вывели из строя городскую ТЭЦ.

В канун нового, 1942 года Елизаров перешел фронт в районе Орла. На прощание Алексей оставил Ивану Кудре небольшой деревянный портсигар с незатейливым вензелем «А. Е.».

— Вещь простая, сам делал, второй такой нет. Будет у Раисы вместо пароля.

Вот он, этот портсигар... Алексей Константинович Елизаров, киевский кинорежиссер, достает из кармана свою самоделку. Но не закуривает, а долго рассматривает деревянную крышку. Чудом уцелел. После ареста Раи фашисты уничтожили все, что могло напомнить о ней. Топтали ноты. Рвали на клочки платья. Батареи в квартире вырвали из стен. А деревянный портсигар мать Раисы, Настасья Павловна, спрятала на себе. Знала: дочка дорожила этой вещью...

Мы сидим в парке, против университета. Именно тут, у памятника Шевченко, обычно и встречались Елизаров с Кудрей.

Вчера и сегодня. Люди и жизнь... Их собственный след в искусстве и следы искусства в человеческой душе... Где начинается одно и кончается другое?..

Нет, видно, ничто настоящее не проходит без следа.

ЗИМА В

Недавно сиял над Чукоткой полярный день. Солнце, едва коснувшись горизонта, снова плыло по небосводу. Радовалось теплу зверье, нежились на протоках пернатые. Пастухи выгоняли оленьи стада на летовку — пусть жирует олень. Геологи шли по распадкам на поиски подземных кладовых. Трактора тянули с побережья Восточно-Сибирского моря в глубь материка лес, доски, горючее... Где-то рождался новый прииск.

Пела, кричала, звенела тундра...

Не успела пожухнуть трава, как вдруг опять белым-бело. Тундра оделась в новый зимний наряд. Может, и хотелось Чукотке задержать прощание с летом. Да где там, уж зима здоровается.

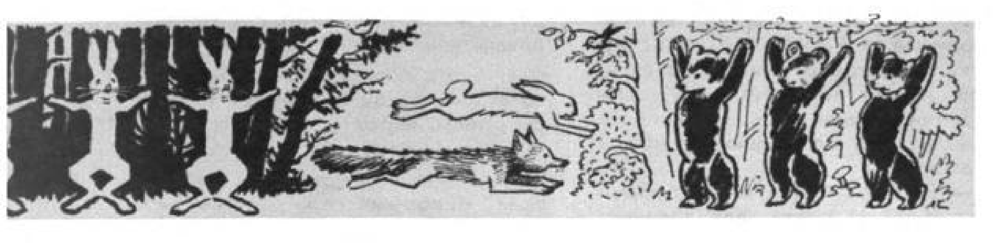
Б. КОРОБЕЙНИКОВ
Фото автора.

◄ Герой Социалистического Труда Иван Аренто направил оленье стадо совхоза «Канчаланский» по зимнему маршруту.

И снова санки!

Николай БЕРЕНДГОФ

Утренняя зарядка

Рано солнце умывается
Ключевой водой,
После ливня утирается
Радугой цветной.
Зайцы делают зарядку
Мастерски:
Вдох и выдох, вместе пятки,
Врозь носки.

А в глуши перекликаются
Птичьи голоса,
В быстром беге состязается
С зайцами лиса.
Медвежата-акробаты
Всех смешат:
Всё стоят на задних лапах
И урчат.

Солнце смотрит, улыбается
Сквозь узор ветвей,
И сосновый бор качается
В неводе лучей.
Зайцы делают зарядку
Мастерски:
Вдох и выдох, вместе пятки,
Врозь носки.

Мих. ПЛЯЦКОВСКИЙ

ТЫКВА

Выросло на огороде что-то круглое, большое и желтое. Арбуз — не арбуз, редька — не редька. Лежит себе на грядке, солнышку бок подставило, греется. Подошел старый дед, затылок почесал и думает: «Как бы мне этот овощ назвать?» Сложил он ладони трубочкой и крикнул:

— Эй, птицы перелетные! Эй, зверюшки-попрыгушки! Помогите этому чуду огородному имя подобрать!

Подбежал к чуду огородному хорек — серая спинка и говорит: «Ты...» А дальше придумать так и не смог. Подлетела к чуду огородному ласточка — острые крылышки и пропела: «Ты...» А дальше придумать так и не могла.

Прискакал к чуду огородному лягушонок — зеленые лапки и пролепетал: «Ты... ква... Ты... ква...»

Ничего другого не придумал и удрал поскорее восвояси.

Махнул дед рукой и сказал:

— Ладно, пусть по-твоему будет, лягушонок — зеленые лапки. Тыква так тыква!

И стали все с того времени тыкву тыквой называть.

МАЛ

НАСТУПЛЕНИИ

Транспорт здесь сезонный. Один «вездеход» уступает место другому.

Выше всех

Прибил человек на крыше большого кирпичного дома тоненькую антенну, чтобы радиоприемник слушать. Посмотрела она вниз и пропищала тихим голоском:

— Эй, телеграфный столб! Хоть ты и высокий, а я зато выше всех!

В это время проплывало над крышей белое облако. Услыхало оно слова эти и засмеялось:

— Ха-ха-ха! Замолчи, хвастунишка! Нет никого выше меня!

— Что ты, облако! Я выше всех! — прогудел в небе самолет, качнув серебристыми крыльями. С земли он казался чуть приметной точкой.

Долго еще спорили между собой антенна, облако и самолет. А сверху глядело на них краснощекое солнышко. Наконец оно не выдержало и вступило в разговор:

— Хватит вам ссориться, друзья! Ведь каждому ясно, что я выше всех на свете!

— Ты, наверно, забыло про нас, золотое солнышко! — хором пропели издалека зеленые звезды. — Мы выше всех в целом мире.

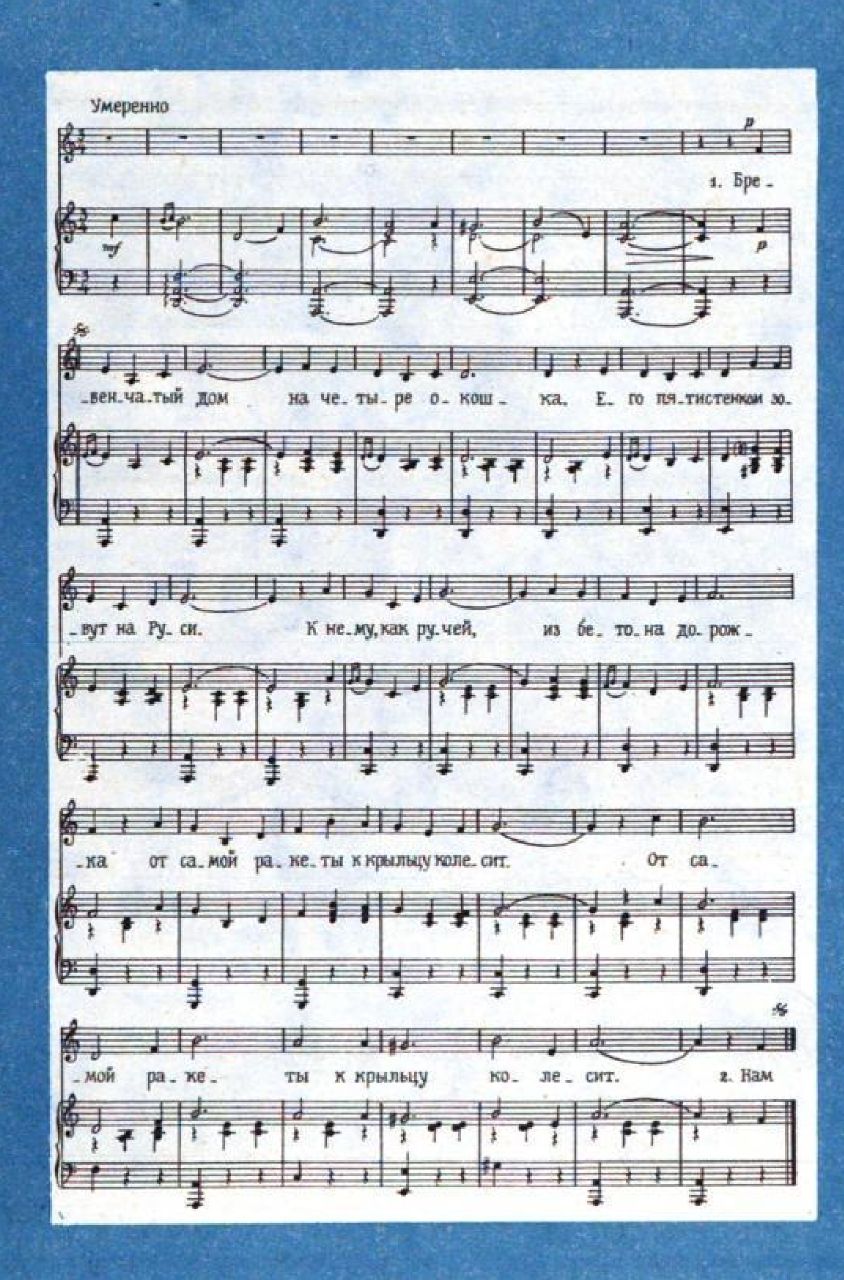
А человек молча слушал этот спор и улыбался. Он знал, что если захочет, то сможет полететь выше тоненькой антенны, выше белого облака и даже выше зеленых звезд!

Рисунки Л. Смехова.

История этой песни несколько необычна. В нашем журнале в № 43 была опубликована заметка А. Романова «Песня о домике космонавтов», где автор рассказывал, как на космодроме сложились слова будущей песни. Назавтра, после выхода номера, в редакцию стали поступать ноты — мелодии на напечатанные стихи. А через несколько дней нам уже пришлось проводить конкурс.

Его победителем стал Борис Андреевич МОКРОУСОВ, музыку которого мы и печатаем.

Бревенчатый дом на четыре окошка.
Его пятистенком зовут на Руси.
К нему, как ручей, из бетона дорожка
От самой ракеты к крыльцу колесит.

Нам по сердцу все: и фонарик над крышей,
И строй тополей, и туман до утра,
И вечер ночной, что гуляет неслышно,
И Главного голос: «Вставайте, пора!»

Мы любим его, светлый домик сосновый,
Как дальних галактик таинственный шум,
Как ласку любимой, как день этот новый,
Что сердце тревожит и радует ум.

Сегодня стартуем, фонарь не гасите.
Он нам на планете родной, как маяк.
Куда б ни занес нас ракетоноситель,
Вернемся к тебе, голубая Земля.

Горит, не погаснет фонарик над домом.
На старте, как стрелы, стоят корабли.
Чудесен наш край, что зовут космодромом.
Отсюда дороги к планетам легли.

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОХОЖ НА САМОГО СЕБЯ

Кори ФОРД

Не знаю почему, но меня всегда принимают за кого-то другого. Совершенно посторонние люди хлопают по плечу и орут: «Здорово, Джордж, такой-рассякой!» Затем они шарахаются от меня, делают большие глаза и бормочут: «Простите, но вы вылитый Джордж».

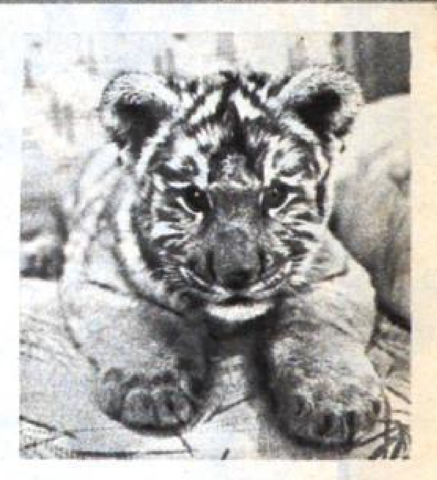
Подобные неприятности преследуют меня повсюду. Стюардессы на самолетах неизменно суют мне чужие пальто, а потом извиняются: «Я думала, что вы — это ваш сосед». Я останавливаюсь в одном отеле много лет, но администратор продолжает называть меня мистером Фэрбишом. Даже животные и те меня с кем-то путают. На днях терьер моего приятеля пытался укусить меня за лодыжку. «Он думает, что ты почтальон»,— бодро объяснил приятель.

По-моему, другие люди больше похожи на меня, чем я сам.

Обычно я оказываюсь точной копией дальнего и не очень смышленого родственника из Омахи или двойником Герберта Лефингвелла из Монтклера, арестованного за растрату. Двойники буквально кишат вокруг меня. Однажды, когда я сопровождал даму в голливудский ночной клуб, незнакомая блондинка ткнула в меня ука-

ПРОКАЗНИК РУСЛАН

Три месяца назад у тигрицы Майки появился малыш, но она оказалась «ветреной» матерью и на второй день бросила кормить своего потомка. Тигренок замерз и жалобно пищал. Пришлось его отогревать медицинскими грелками и поить теплым молоком из рожка с соской. Малыш сладко уснул, а проснувшись, опять потребовал соску. Наша сотрудница Лена Ногина, страстная любительница животных, взяла тигренка к себе домой.

Почти 60 дней нянчилась Лена с Русланом, терпеливо выкармливая его из рожка не только днями, но и ночами. Проголодавшись, тигрята не считаются со временем суток, они подымают такой крик, что могут разбудить всех обитателей джунглей.

Когда Руслану исполнилось три месяца, Лена стала замечать, что тигренок припадает на одну лапу. Руслана привезли в нашу ветеринарную лечебницу. Собрался консилиум. Решили оперировать тигренка.

В операционной хирургический стол покрыт белой простыней. Над ним большой рефлектор. На столике бинты, вата, шприцы, ампулы — все как полагается. Тигренку вводят наркоз, и он быстро засыпает. Оперирует Руслана ведущий хирург зоопарка профессор И. Д. Медведев. Много лет оказывает он помощь нашим питомцам. Кого только не пришлось ему оперировать: барса и дикобраза, выдру и слона, моржа и зебру!

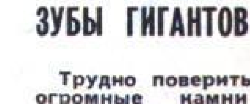
...Через пять часов Руслан очнулся. Осмотрелся, попил воды, а когда к нему подошла Лена, он, несмотря на боль, попытался вырваться из клетки, чтобы приласкаться к ней. Пришлось Лене запретить навещать Руслана. Послеоперационных больных обычно тревожить нельзя, даже тигров!

Через неделю Руслан совсем поправился и, хотя ему еще не сняли швы, получил свободу. Целые дни проказник разгуливает по зданию ветеринарной лечебницы. То заберется на диван, то проникнет в рентгеновский кабинет и стащит резиновый коврик. Ведь растут зубы, чешутся десны, и надо же что-нибудь погрызть. А когда на кухню лечебницы привезут мясо, маленький Руслан насторожится, поведет носом и мигом «на охоту». Затащит кусок мяса, который дается ему на завтрак, в угол комнаты — и не подходи к нему. Так зарычит, что испугаешься. Ну, а после сытного завтрака опять шалит: схватит за ноги проходящего мимо ветеринарного фельдшера, штору подергает, попытается забраться на окно, утащит полотенце или халат. В общем, работы хватает до самого обеда.

И. СОСНОВСКИЙ, директор Московского зоопарка

Фото А. Бочинина.

Трудно поверить, что эти огромные камни не что иное, как зубы мамонта. Эти окаменелости вместе со скелетом недавно найдены в Венгрии на берегу Дуная. Каждый такой зуб весит 4,7 килограмма.

зательным пальцем и взвизгнула: «Где ты был прошлой ночью, обманщик?» Я до сих пор пытаюсь разъяснить это недоразумение своей даме.

Мое лицо почему-то надолго не запоминается. Я всегда могу встретить пустой взгляд, здороваясь со старым знакомым. «Ах да, конечно, ну и ну! — сияет он, тряся мою руку и судорожно пытаясь разыскать мое лицо в своей памяти.— Как поживаете?»

Или, скажем, иду я в битком набитый магазин купить рубашку. С трудом добираюсь до прилавка, завладеваю вниманием продавца и называю свой размер. Он берет с полки рубашку, поворачивается к прилавку и безуспешно всматривается в море человеческих лиц. Я машу рукой, привлекая его внимание. «Извините,— говорит он, холодно скользнув по мне взглядом,— кто-то другой просил эту рубашку».

Иногда моя личность становится чем-то вроде ребуса. Пожилой господин, едущий со мной в трамвае, доверительно говорит: «Я вас где-то встречал». Мне до сих пор не удалось придумать удачный ответ на это, поэтому я молчу и стараюсь выглядеть знакомым, пока он меня изучает со всех сторон. «Наверняка мы где-то встречались,— настаивает он.— Вы жили когда-нибудь в Скенектади?»

К этому времени я уже лихорадочно пытаюсь ему помочь и задаю наводящие вопросы, вроде: «Вам не случалось встречать Герберта Лефингвелла из Монтклера?» Остаток дня уходит на то, что я пытаюсь отгадать, кем бы я мог быть.

Я не могу даже заглянуть в соседнюю таверну без того, чтобы какой-нибудь пропойца не проковылял ко мне с радостным криком: «Мир тесен, дружище!» Делаю вид, что не замечаю его, но он укоризненно смотрит на меня единственным затуманенным глазом и говорит: «Не пытайся меня дурачить, приятель. Ты же не мог забыть камеру № 368!» Я вижу, как на меня неодобрительно смотрят другие посетители. Кто я такой, чтобы пренебрегать старым товарищем только потому, что ему изменила удача? И я подношу ему стопку, после чего он обнимает меня и начинает петь рождественскую песенку. Обычно дело кончается тем, что из таверны выбрасывают нас обоих.

Меня всегда благодарят за что-то такое, чего я не делал. Что мне отвечать, когда, например, старая леди хватает мою руку и, тряся ее, всхлипывает и говорит: «Как мне отблагодарить вас за то, что вы помогли в беде Оскару? Я никогда этого не забуду». Некоторые комплименты приходится принимать на свой счет еще труднее. «О, да вы мой любимый писатель,— обращается ко мне кто-то в автобусе.— Когда вы создадите свой очередной шедевр?»

Мои двойники чаще всего составляют довольно дурную компанию, судя по таким приветствиям, как «Здорово, старый развратник!» или «Эй, ловкач, откуда ты? Опять из тюрьмы?» Но есть одно мое второе «я», с которым мне хотелось бы встретиться. На днях незнакомец в черном пальто бочком подошел ко мне на улице и прошептал: «Вестибюль «Святого Реджинальда». Ровно в двенадцать. Наличные будут при мне». Затем он растворился в толпе.

Кто это был? Контрабандист? Шпион? Эксцентричный миллионер? К полудню мое любопытство было настолько возбуждено, что я помчался к «Святому Реджинальду». В вестибюле нетерпеливой походкой прохаживался человек в черном пальто. Я предстал перед ним. Он посмотрел на меня, не узнавая. Хмуро взглянул на часы, повернулся и ушел.

Самое плохое в этом деле то, что я почему-то почувствовал себя виноватым. И я подумал, что мой долг — предупреждать людей о том, что я самозванец. Когда я прибыл пару дней тому назад на званый прием, ко мне подошла полная достоинства леди с тем же знакомым взглядом, вопрошающим: «Мы, кажется, где-то встречались?» Я решил избавить ее от всяких недоразумений и тут же немедленно объявить, кто я такой. «Простите,— сказал я ей,— но я не тот человек, за кого вы меня принимаете». Она казалась слегка ошеломленной, но я был поражен гораздо сильней, когда узнал, что эта леди — хозяйка дома.

Меня начинает одолевать навязчивая идея. Каждую ночь я вижу себя во сне окруженным со всех сторон зеркалами, в которых отражаются образы, настолько похожие на меня, что мне трудно определить, кто из них я. В последнее время я ловлю себя на том, что здороваюсь со своим отражением в зеркале. Вчера прохожий приветствовал меня по имени, затем внимательно присмотрелся и покачал головой. «Мне показалось, что вы Кори Форд,— извинился он,— но теперь я вижу, что вы нисколько на него не похожи».

Может быть, я и в самом деле кто-нибудь другой, а?

**Перевел с английского
В. КАЧАНОВ**

ГОД В ОКЕАНЕ

Американец Вильям Виллис, семидесяти одного года, совершил путешествие на плоту через Тихий океан — от побережья Перу к восточной части Австралии. Плавание его продолжалось более одного года.

На снимке: Виллис у берегов Австралии.

ТЕМПЕРАТУРНЫЕ ЧАСЫ

Жители одного австрийского села в Альпах по праву гордятся своими необычными часами. Часы эти существуют с 1883 года, и до наших дней они ни разу не заводились. Механизм часов приводит в действие перемена температуры.

ЗА ШТУРВАЛОМ — БАБУШКА

Восьмидесятитрехлетняя англичанка Гобдай решила обучиться пилотажу в одном из авиационных клубов. Мечта эта возникла у нее еще в 1927 году, когда она впервые летала на самолете. Но осуществить ее не удалось, так как надо было воспитывать детей, а затем пятерых внуков.

Несмотря на свой преклонный возраст, Гобдай оказалась очень способной ученицей. Ее инструктор утверждает, что она «прирожденная» пилотка.

На снимке: Гобдай обучается вождению самолета.

СЛОНЫ и ЕЖ

Недавно, во время прогулки по улицам австрийского города Клагенфурт, цирковая слониха Жанна заметила мышь и в страхе обратилась в бегство.

Известны и другие случаи, когда слоны также позорно бежали при встрече с морской свинкой или ежом, как изображено на снимке.

САМЫЙ ВЕРНЫЙ ПЕС

Собака Лео получила первую премию и звание «самого верного пса» на состоявшейся недавно в Италии выставке собак. Лео и его хозяин свалились вместе с трактором в реку. Верный пес сразу же бросился на помощь хозяину и вытащил его из воды.

ПОДСОЛНЕЧНИК-ГИГАНТ

В саду американца Стивенсона (Миннеаполис, штат Миннесота) вырос подсолнечник длиной в пять метров. Рост его продолжается.

ОБЕЗЬЯНА ПОД ВОДОЙ

Английская артистка Митци Рогерс очень любит плавать в обществе своей обезьяны. Обезьяна тоже полюбила этот спорт и даже научилась нырять.

ДРУЗЬЯ НЕ РАССТАЮТСЯ

Полярный медвежонок, проживающий в Лондонском зоопарке, весьма неохотно расстается со своим сторожем. А так как человек не может сидеть с мишкой в ледяной воде, пришлось сделать специальный бассейн с окном. И теперь медвежонок доволен: купаясь, он может видеть своего приятеля.

РОГАТОЕ РАСТЕНИЕ

Это небольшое колючее существо с огромными воинственными рогами всего лишь высохшая от жары колючка, которую я нашел в Муганской степи. Понравилась она мне своей оригинальной формой.

А. Мирзоев

Баку.

В ТОКИЙСКОМ ЗООПАРКЕ

Львы Токийского зоопарка Уэно были очень удивлены и смущены, когда увидели человека в клетке!

Но вскоре все прояснилось. Этим человеком оказался служитель зоопарка, ежедневно появляющийся в вольере львов, чтобы выдать им порцию свежего мяса. Теперь львы ожидают клетку на колесах с электрическим мотором с большим нетерпением. Служитель при львах тоже доволен. Ему теперь не нужно загонять хищников в помещения, чтобы накормить зверей.

СТРАШНОЕ СЛОВО

В 1867 году Льюис Кэррол, автор «Алисы в стране чудес», путешествовал по России. Среди произведших на него большое впечатление русских достопримечательностей и чудес: собора Василия Блаженного, Московского Кремля и других замечательных памятников русского искусства и быта — Кэррол отметил в своем путевом дневнике одно русское слово, которое в транскрипции Кэррола выглядит чрезвычайно внушительно: zashtsheeshtshayoushtsheekhsya.

Нелегко догадаться, что этот словарный мастодонт, потребовавший в английской транскрипции три десятка букв, означает просто-напросто «защищающиеся».

А. Наркевич

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

— Очень правильно, старик, поступаешь: русских на испуг не возьмешь!

— Алло! Земля! Пришлите, пожалуйста, в следующий раз **ветеринара!..**

Обучение в космическом масштабе.

— Русскую — раз, два — начали!

КРОССВОРД

По горизонтали:

2,8,9. Советские космонавты. 10. Момент запуска ракеты. 12. Русская народная песня. 14. Приток Волги. 16. Автор картины «Трубачи Первой Конной армии». 17. Опера А. Спендиарова. 19. Лопастной двигатель. 22. Народный многострунный инструмент. 25. Путешествие по круговому маршруту. 28. Название космического корабля. 29. Помещение для изучения влияния высотных условий на организм человека. 30. Коллектив музыкантов.

По вертикали:

1. Сотрудник научного учреждения. 2. Столица арабского государства. 3. Опахало. 4. Цель стремлений, желаний. 5. Изобретатель электродвигателя. 6. Степень жизнедеятельности организма. 7. Фигура высшего пилотажа. 10. Детская игрушка. 11. Курорт в Чехословакии. 13. Венгерский композитор, автор оперетт. 15. Союзная республика. 18. Путь для безопасного плавания судов. 20. Опора моста. 21. Немецкий поэт и драматург. 23. Государство в Юго-Восточной Азии. 24. Река во Франции. 26. Спортивный снаряд. 27. Малая планета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

5. Айвазовский. 7. Дата. 9. Руно. 12. Нота. 13. Жатва. 14. Луна. 17. Ноктюрн. 18. Барсова. 19. Морозка. 22. Андижан. 23. Бородин. 24. Акын. 25. Бордо. 27. Алей. 28. Ялта. 30. Торт. 32. «Псковитянка».

По вертикали:

1. Айва. 2. Гараж. 3. Истра. 4. Гимн. 6. «Коробейники». 7. Данте. 8. Стратосфера. 10. «Олеся». 11. Университет. 15. Трамвай 16. Казачок. 20. Вишня. 21. Томат. 25. Батон. 26 Отряд. 29. Ласт. 31. Река.

На первой странице обложки: Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Выступает Омский народный хор. Солистка — Тамара Мартынова.

Фото Е. Умнова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

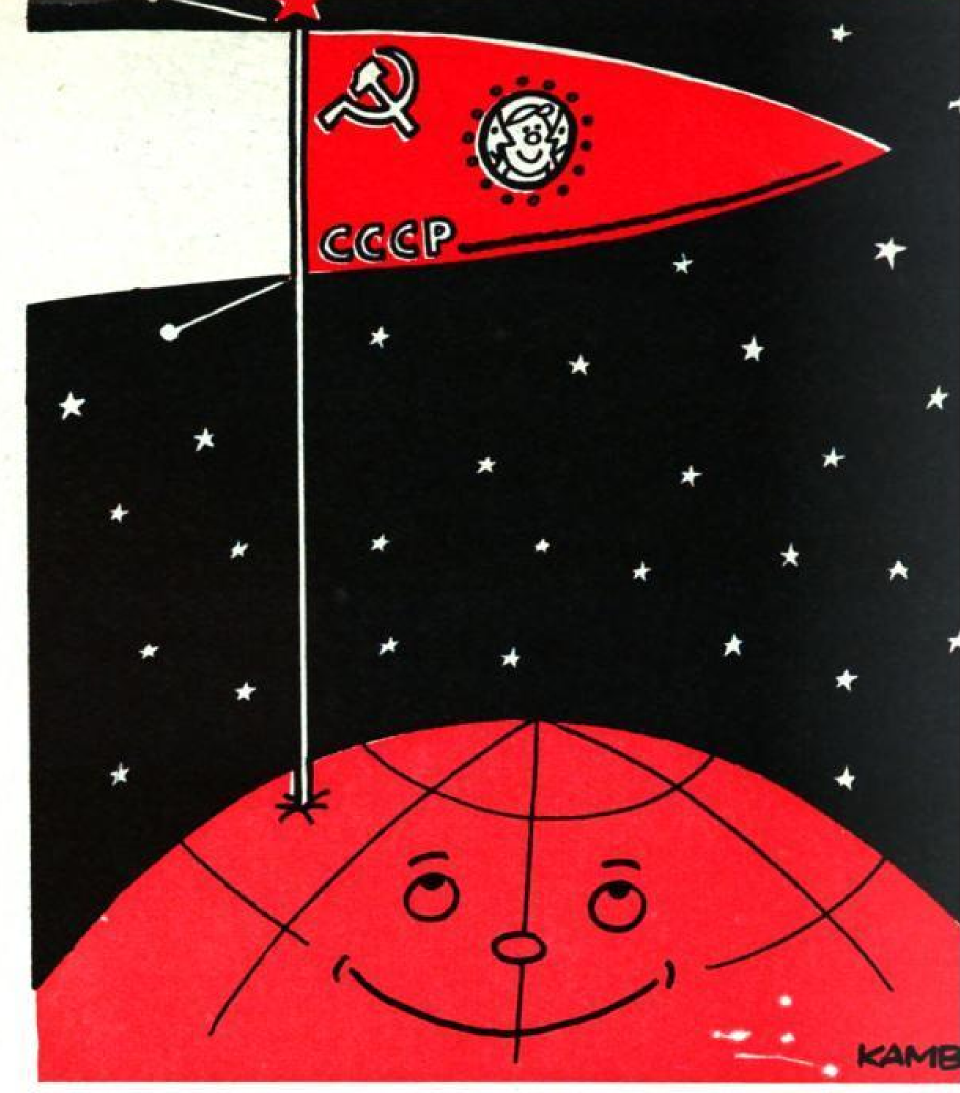
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00787. Подписано к печати 4/XI 1964 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 882 500. Изд. № 2072. Заказ № 2969.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Почти земная картина...

Знамя Октября. **Рисунок Камба.** Париж.

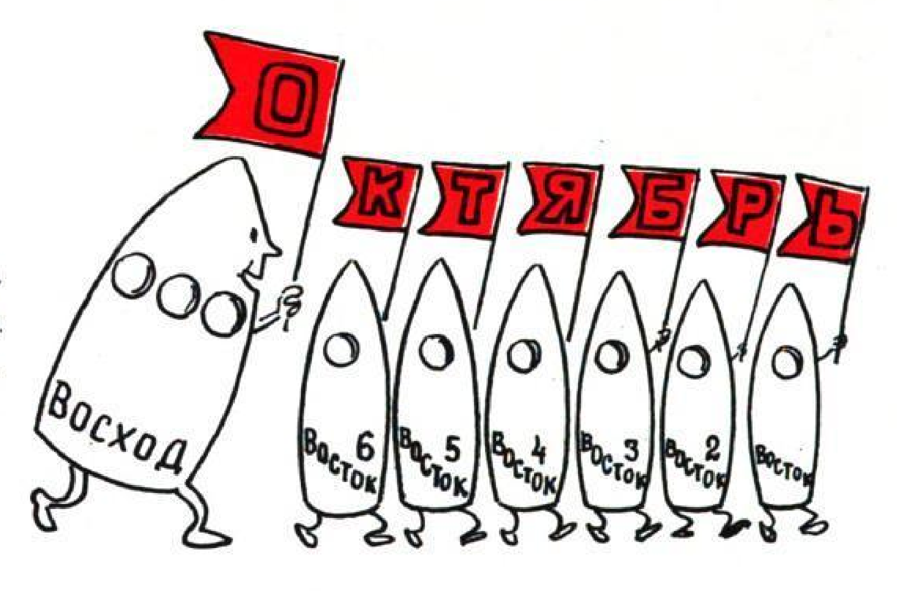

Продолжение следует.

Праздничная колонна.

— Разрешите встать в строй.

Рисунок А. Грунина.

На демонстрации...

Рисунки Г. и В. Караваевых.

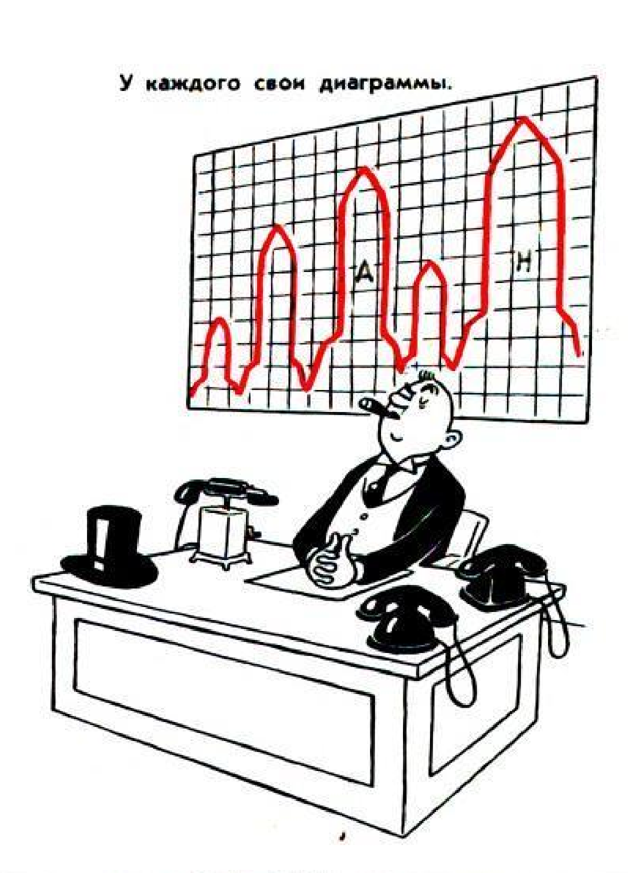

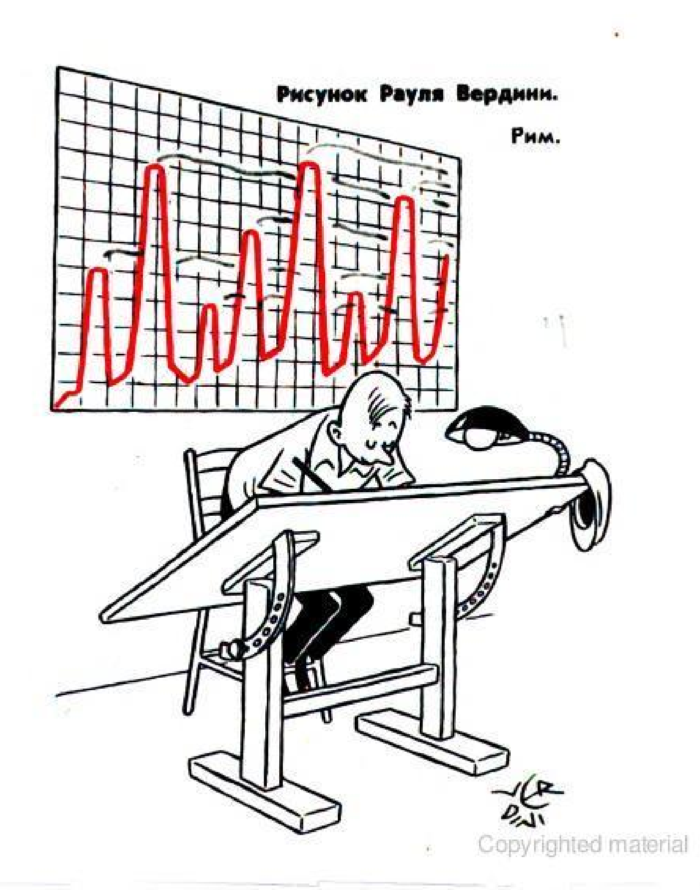

У каждого свои диаграммы.

Рисунок Рауля Вердини.

Рим.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70563

